

Е. М. Штаерман

РИМСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время в нашей науке все больше внимания уделяется отношениям собственности в первых классовых обществах. Особенно показательны посвященные проблемам собственности в Междуречье и Индии статьи И. М. Дьяконова и Г. М. Бонгарда-Левина (ВДИ, 1967, № 4; 1968, № 3 и 4; 1973, № 2), анализирующие соотношения государственной, частной и общинной собственности.

Несомненна перспективность такого направления исследования не только для древневосточной, но и для античной собственности, за эталон которой К. Маркс, как известно, принимал римскую квинтитскую собственность¹.

Но, как это ни покажется странным при колоссальном и все возрастающем числе работ, посвященных римскому праву собственности, характер ее далеко не так ясен, как кажется. Возможно, что здесь не последнюю роль сыграли рецепции римского права, заставлявшие юристов разных эпох, вольно или невольно, рассматривать римскую собственность с точки зрения тех реальных отношений своего времени, которые оформлялись приспособленными к ним нормами римского права, т. е. модернизировать его.

Так, римская собственность, без каких-либо оговорок, признается частной собственностью в современном понимании этого термина, на основании критериев, определяющих капиталистическую частную собственность, в первую очередь, на основании свободы ее отчуждения. Тот же критерий, кстати сказать, применяется и относительно любых иных древних обществ: историк, находя документы, говорящие об отчуждении земли, видит в них доказательство развития частной собственности на землю, не пытаясь более четко охарактеризовать сущность этой собственности, ее специфику.

Между тем, даже на примере считающегося эталоном высокоразвитой частной собственности Рима видно, что дело обстоит значительно сложнее. Подробно речь на эту тему пойдет далее; пока ограничимся лишь несколькими примерами. Как известно, римские юристы не дали однозначной дефиниции собственности² и наиболее близкого к собственности права на вещь — владения, долгое время от собственности не отделявшегося. Понимание самими римлянами этих вопросов, причем нередко противоре-

¹ К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 11.

² О точках зрения современных историков права см. И. Б. Н о в и ц к и й, *Основы римского гражданского права*, М., 1956, стр. 77—79, 82—87; М. Н. А н д р е е в, *Римское частное право*, София, 1962, стр. 179.

чивое, можно пытаться гипотетически установить лишь на основании сопоставления различных данных. Но мы не найдем в них указания на то, что право отчуждения было основным признаком обладания вещью, собственности на нее. Очень характерно двойное толкование термина «иметь» (*habere*): в одном смысле, говорится в «Дигестах», *habere* — это право собственности — *ius dominii*, в другом — это означает то, что куплено (*Dig. L, 16, 188*). Как видим, покупка и собственность здесь — различные понятия.

Земли, принадлежащие императору, продавались и покупались теми, кто имел на них участки, хотя император мог их отобрать, если намеревался поселить на них иных людей, например, вывести колонию ветеранов (*Dig. XXI, 2, 11*). Можно было продавать принадлежавшие императору (лично, а не как главе государства) патримониальные и эфитевтикарные имения, а также вектигальные, т. е. находившиеся в вечной аренде (*CI, V, 71, 13*). Известны случаи, когда продавалось имение — *fundus*, расположенное на земле салтуса, арендованного кондуктором у императора или частного лица (*Dig. XIX, 1, 52*), так что проданное имение никоим образом продавшему его не принадлежало. Самой бесспорной собственностью была собственность господина на раба и выделенный рабу пекулий. И вместе с тем, господа покупали произведенные рабами в отведенных им в качестве пекулиев мастерских вещи, впоследствии заключали с рабами различные сделки, брали у них в долг и сами давали им займы. По мере укрепления прав рабов на пекулий и частичного признания их правоспособности соответственно уменьшались права господ на продолжавшие оставаться их собственностью рабские пекулии, рассматривавшиеся как естественное держание, которое раб мог передать другому, т. е. отчуждать. Так же обстоит дело и с другим критерием собственности: с правом отстранения несобственника.

Ярко выраженное в законе право отстранения несобственника относилось только к прекарному владению, считавшемуся основанным на «благодеянии»: интердикт *uti possidetis* защищал прекариста против всех, кроме собственника прекария, который тот мог в любое время отобрать (*Dig. XLIII, 26, 17*). Но если собственник имения — *dominus* — изгонял из него владельца-посессора, владение восстанавливалось на основании защищавшего владение интердикта *unde vi* (*Dig. XLI, 3, 4, 25*). Человек, занявший пустующее имение, мог воспрепятствовать господину туда войти и это не считалось насилием (*Dig. XLI, 3, 4, 27*). Права тех, кто снимал у города земли в долгосрочную аренду — *agri vectigales*, — пока они вносили плату, охранялись против всех, включая собственника — город, причем земли эти могли отчуждаться, завещаться самому городу, а съемщики именовались посессорами (*Dig. XXX, 41, 5; XXXIX, 4, 7*).

Своеобразие представлений о собственности отразилось в различных рассуждениях о соотношении собственности государства или гражданской общины и собственности гражданина. Оно затрагивалось разными авторами, особенно философами, неоднократно, так как испокон веку служило примером и пояснением соотношения некоей первичной целостности (мировой души, мирового разума, единого верховного блага) к сопричастному ей и обусловленному ею реально существующему множеству, являющемуся, вместе с тем, единством. Полис, пишет, например, Плутарх, это единый предмет, подобный живому организму. Он восходит к единому началу, дающему ему общность. И то, что в нем родилось, не отделяется от родившего, но имеет каждое свою соответствующую часть (*Plut., De sera num. vind. 15—16*). Не погибнет ли общность там, где есть свое? — спрашивает он в другом месте. Нет, ибо начало вражды не в обладании своим, а в присвоении чужого и в превращении общего в свое (*Quaest. conv. II, 10, 7—8*). Земля

принадлежит городу, пишет Дион Хрисостом, в пояснение соотношения мирового единства и множественности, но всякий, имеющий на ней участок, его господин; однако полис в целом выше и лучше самого высокопоставленного гражданина (Dio Crysost., Orat. XXXI, 50). Природа создала нас друг для друга, развивает то же сравнение Марк Аврелий, но каждая душа имеет свою область. Ты не просто часть, а член единого организма (Marc. Aug., VII, 13). Космос и полис, учит Аполлоний Тианский, живые существа, порождающие все живое, но у каждого своя часть, свое место (Philostr., Vita Apoll. III, 34—35; IV, 8—9). Человек — часть целого, говорит Эпиктет, и для него естественно то, что благо для целого. Отдельно взятый человек вообще не человек, ибо он часть космоса и его отображения — полиса. Но когда общее разделено между отдельными, его не следует отбирать (Epict., Convers. II, 4; 5, 26; 10, 3—8). О том же пишет и Плотин, утверждая, что человек — часть целого, подчиненного общему закону, но в нем есть и свободное начало, однако не стоящее вне мирового логоса (Plot., Aenead. 48, 21—23). Соответственные примеры можно было бы легко умножить, но уже и приведенные показывают, как прочно в сознании античного человека, даже во времена Империи, жило определявшее и его мировоззрение в целом исконное представление о первичности гражданской общины, расширявшейся до размеров огромной державы, о приоритете ее прав на совокупность имущества, в первую очередь, конечно, земли, как разделенного, так и не разделенного между гражданами. Если отвлечься от философской терминологии, это означало, что собственность граждан есть вторичное, производное от собственности гражданской общины, что первая обуславливается второю.

Правда, иногда делались попытки разделить права государства как собственника и как суверена. Очень характерны рассуждения Сенеки по вопросу о том, можно ли давать нечто мудрецу и другу, раз, согласно стоической доктрине, мудрому принадлежит весь мир, а у друзей все общее. Это нечто, говорит он, может быть и у мудрого, и у того, кто им владеет, кому оно отведено — *cui datum et assignatum est* (здесь применен термин, обозначающий наделение земель граждан). По гражданскому праву, продолжает Сенека, все принадлежит царю, но все царское владение расплано между отдельными господами, и каждая вещь имеет своего владельца. Так мы можем дарить царю, не говоря, что даем ему его собственное. Ибо царям принадлежит власть — *potestas* — над всем, отдельным же лицам — собственность. Есть территория кампанцев, пишет Сенека, которую соседи разделяют частными межами; вся земля принадлежит республике, а каждая часть имеет своего господина; земля принадлежит республике, но мы можем подарить ей землю, так как по-одному она республике, по-другому — наша. Пекулий и раб принадлежат господину, но раб делает господину подарок. При хорошем царе царь владеет всем в силу империя, отдельные лица — в силу доминия. Далее Сенека проводит разницу между тем, кто обладает всем в целом, и обладающим отдельного лица — *viritim*. Царь владеет всем, а собственность на отдельные вещи рассеяна между многими частными лицами; поэтому тот, кто владеет всем, может и получать дар, и покупать, и брать в аренду, и быть должником. Цезарь имеет все, все в его фиске и в его патримонии. Как же получается, что разные лица являются господами одной и той же вещи? Один имеет ее в собственности, другой в пользовании. Все состоит в империи цезаря, в его фиске, но есть и то, что его частное — *propria*. То, что дано другому, в одном аспекте будет цезарево, в другом — чужое (Sen., De benef. VII, 4—6). В том же плане высказывается и Плиний Младший в панегирике Траяну, хваля его за то, что, в противоположность Домициану, он не считал все находящееся в государстве своим, что при нем патримоний стал

меньше Империи. Все, говорит он, принадлежит главе государства, как пекулий раба принадлежит господину. Но хороший глава государства, как и хороший глава фамилии, не отнимает имущества у гражданина, пекулия — у раба.

Однако эти попытки разделить права императора как суверена и собственника настолько, в общем, смутны, что, скорее всего, являлись одними из первых и притом были обусловлены оппозицией сенатской знати против «тиранических» устремлений принцепсов I века бесконтрольно распоряжаться имуществом граждан в качестве глав государства, на которых римский народ перенес свои права, в том числе и право верховной собственности на все земли государства. На путанность и неясность таких попыток указывает аналогия между отношением главы государства к территории государства и отношением господина к пекулию раба. В последнем случае речь о двух аспектах прав идти не может, так как здесь имеет место только доминий собственника, а никак не империй суверена, для раба же было возможно только держание и пользование, не исключавшее, однако, сделок с господином. Соответственно, путаются столь разные термины, как империй и *potestas*, в применении к правам цезаря. Некое среднее место занимает аналогия с правами города-республики, где собственность и суверенитет переплетаются столь тесно, что разделить их весьма затруднительно.

Исходя из вышесказанного, можно полагать, что когда речь идет об античной, в частности римской собственности, для решения вопроса о соотношении собственности коллективной (т. е. собственности гражданского коллектива) и государственной с индивидуальной и частной нельзя безоговорочно исходить из критериев, сложившихся на основе господства собственности капиталистической: отчуждаемости, права отстранения не-собственника, несовпадения прав суверена и прав собственника.

Что же представляла собой римская собственность и каким образом она возникла? Последнему вопросу посвящена большая литература, но вследствие скудости источников и различий в подходе к их интерпретации у историков римского права разных школ и направлений многое все еще остается неизвестным или спорным. В последнее время вышли две посвященные упомянутой теме марксистские работы, представляющие значительный интерес и благодаря их методологии, и благодаря тому, что авторы суммируют работы своих предшественников, подводя им определенный итог³.

Для нашей темы очень важны аргументированные археологическими и лингвистическими данными выводы о роли в глубокой древности территориальных единиц — сел и зоны сельскохозяйственной деятельности сельчан — пагов, в которых жили и владели землей члены одного или нескольких родов. Возникновению *civitas* предшествовала совмещавшаяся с гентильной социально-территориальная организация⁴. С разложением гентильной собственности появляется собственность фамильной общины сперва на приусадебный участок, затем на пашню; постепенно фамильная собственность сменяется собственностью *pater familias* (там же, стр. 45—48), которая рассматривается как специфически римская частная собственность⁵, всегда существовавшая, но лишь постепенно, к концу Республики — началу Империи теоретически осмысленная юристами как таковая

³ L. Capogrossi-Colognesi, *La struttura della proprietà e la formazione della iura praediorum nell'età repubblicana*, v. I, Milano, 1969; G. Diosdi, *Ownership in Ancient and Preclassical Roman Law*, Budapest, 1970. Подробнее см. ВДИ, 1970, № 3, и 1972, № 4.

⁴ Capogrossi-Colognesi, ук. соч., стр. 184—201.

⁵ Diosdi, ук. соч., стр. 127.

под названием — *dominium*⁶. Оба автора, давая детальный анализ юридических терминов (*mancipium*, *manus*), связанных с древней собственностью, ее объемом, передачей, защитой, будучи юристами, а не историками, на наш взгляд, уделяют недостаточно внимания общему историческому фону.

Между тем, вряд ли закономерно элиминировать при попытке проследить генезис и развитие римской собственности, во-первых, то влияние, которое на нее не могла не оказать борьба патрициев и плебеев и победа последних, а во-вторых, те, правда, очень скудные, разрозненные, и, конечно, более поздние данные, которые позволяют полагать, что первоначально становление классового общества в Риме шло путем, обычным для огромного большинства других народов, и лишь впоследствии, видимо, именно в результате победы плебса (хотя и не столь полной, как победа афинского демоса) в значительной мере, хотя бы на время, свернуло с этого пути.

При всех бесчисленных конкретных вариантах формирования и характера ранних классовых обществ в разных районах земного шара все же имеются некоторые присущие им всем черты. Это, во-первых, окончательное конституирование разного типа общин с различными их союзами и объединениями, отношениями как между собой, так и с другими, одновременно возникавшими образованиями. Во-вторых, появление примитивной царской власти и присвоение царями части земли — и сплошь да рядом — зарождение идеи верховной собственности царя на землю. В-третьих, выделение знати как за счет возвышения отдельных семей внутри общин, так и за счет лиц, так или иначе связанных с царем, — его родственников, приближенных, дружинников, и рост земельных владений знати благодаря присвоению земель общинников, царским пожалованиям и т. п. В-четвертых, возникновение и развитие разнообразных форм эксплуатации многообразных категорий трудящихся, соответственно организованных, наделенных известной суммой прав или вовсе их лишенных: частные и царские рабы из военнопленных или из соплеменников, сливавшиеся по своему положению с младшими сородичами или членами больших семейных общин; клиенты царя и знати, по тем или иным причинам оторвавшиеся от своих коллективов; обезземеленные или малоземельные соплеменники, попавшие в кабальную или иную зависимость; покоренные племена, поставленные в положение типа илоти; население земель, переданных в «кормление» отдельным представителям правящего класса. В-пятых, усиление культа царей и «героев» — легендарных или действительных предков знатных родов, культа родоначальников общин, причем культ этот был тесно связан с правами как общины, так и ее главы — жреца культа богов общины — с их отношением к земельной территории, правами на землю⁷ и, вместе с тем, с правами и обязанностями таких глав-жрецов. Их жреческие функции санкционировали их право распоряжаться имуществом, трудом, а часто судьбой и жизнью сочленов общины и, вместе с тем, обязывали их обеспечивать благосостояние общины, обработку отведенной ей земли, соблюдать известные нормы поведения, санкционированные обычаем и религией, между прочим, посредством организации общих сакральных трапез, жертвоприношений и т. п. кормить находящихся под их властью людей.

⁶ Сарогросси-Колонези, ук. соч., стр. 466.

⁷ Из многих возможных примеров, приведем один, наиболее показательный: на островах Полинезии собственность большой семьи на землю доказывалась наличием на ней семейного святилища, а права отдельных сочленов на их надел — их участием в семейном культе. — W. Williams, Religion and Social Organisation in Polinesia, Camb., 1937, стр. 220—221, 253—259, 307, 317.

На этой стадии права отдельного лица на отводившийся ему земельный участок, а также на прожиточный минимум определялись его принадлежностью к тому или иному коллективу, будь то род, большая семья, территориальная община, дом знатного человека или царя. Возможность так или иначе отчуждать участок (по завещанию, переуступке, продаже), так или иначе регулировавшаяся и контролировавшаяся соответственным коллективом, играла подчиненную роль и ни в коей мере не свидетельствовала о существовании частной собственности в современном смысле. «Отношение к земле как к своей» теоретически не осмыслялось, хотя пользовалось в той или иной мере защитой, и, видимо, различалось как по степени гарантированности, так и по характеру ограничений пользования и распоряжения, накладывавшихся общиной или ее главой.

Такова, с различными вариантами, была отправная точка развития разных видов собственности и эксплуатации в становящемся классовом обществе. Таковой же она, видимо, была и в Риме, если отказаться от гиперкритического отношения к беглым упоминаниям позднейших авторов и принять, что они основывались на некоей смутной, но отражавшей все же некогда существовавшие отношения традиции.

Так, мы встречаем упоминания земли не только Ромула и других, более или менее реальных царей, но и уже совершенно легендарного царя Латина, землю которого возделывали аврунки и рутулы, то ли платившие за свои наделы подати, то ли обязанные царю отработками (Serv., Aen. XI, 318). Сохранилось и предание, что в те времена не только цари, но и знатные люди — *virī fortes* — получали наделы, выделявшиеся из общественной земли (Serv., Aen. IX, 272), что совпадает и с известным рассказом о переселении в Рим Атта Клауса, получившего общественные земли для себя и своих многочисленных клиентов. К этой примитивной знати, возможно, принадлежали и царские дружинники, всадники — *seleaes*, что объясняет роль коня в некоторых обрядах и культы Нептуна Конного и Диоскуров-всадников.

Как позволяют заключить данные о других древних культах, обожествление бога-всадника и коня обычно имело место в связи с возвышением сражавшейся на конях знати, занявшей господствующее положение относительно остального народа. О том же, видимо, свидетельствуют и некоторые черты древнейшего культа Ларов. Все греческие авторы неизменно отождествляют Ларов с Героями и о первоначальной их полной тождественности свидетельствует известная надпись IV в. до н. э., посвященная Лару (т. е. Герою) Энею (AE, 1960, № 138), а также одна из версий о Ромуле, как сыне Лара (Plut., Romul. 2), и о таком же происхождении Сервия Туллия и основателя Пренесте Цекулы. Культ же Героев в Греции был первоначально тесно связан с культом предков знатных родов. Косвенно на сходное происхождение или, во всяком случае, на один из истоков культа Ларов указывает и представление о Ларах и Героях как ставших богами людьми и их тесная связь с родами и водными источниками, где жили Лары и души Героев⁸. Особенно знаменательно, что ставшие Ларами-Героями души трактуются как души *virī fortes*, т. е. тех самых представителей знати, которые в древнейшие времена наряду с царями получали наделы из общественных земель. У глоссаторов *vir fortis* приравнивается как к господину — *dominus*, так и непосредственно к божественному герою *Heros*, а также к терминам *heres* — наследник и *erūs*⁹. Последний термин у ранних авторов был равнозначен господину и

⁸ Serv., Aen. I, 441; III, 168, 302; V, 760; VI, 673; Bucol. V, 40.

⁹ Corpus Glossarum latinorum (далее — CGL), VI, стр. 516.

лишь впоследствии, в III в. до н. э. постепенно был вытеснен термином *dominus*¹⁰.

Если допустить, что в распоряжении глоссаторов были более ранние данные, то можно предположить, что *egus* был некогда связан не только с *heres*, но и с *Herog*, и что все эти термины применялись к знатному человеку при жизни и к его душе после смерти, а также к его обожествленным предкам¹¹. *Ingenui*, пишет Фест, некогда назывались те, которые теперь называются патрициями. Значит, только знать в полной мере причислялась к свободнорожденным, «благородным» (остальные или значительная часть остальных занимали гораздо более скромное место в социальной иерархии, так или иначе завися от знати) и именовали ее представителей *egus*, а их предков Героями-Ларами. Возможно, последний термин был заимствован у этрусков в связи с этрусским наименованием (*Lars, Larth*) аристократов или вождей. Лишь впоследствии, с общей демократизацией социального строя, термин *egus* сохранился только в языке рабов (например у Плавта), а затем был вытеснен не связанным с сакральными идеями *dominus*. Тогда же Лары становятся только божествами фамилии, равнозначными греческому домашнему Герою.

Помимо культа Героев — родоначальников знатных семей несомненно зарождался и культ царей. Обожествлены были тот же Эней, Латин, впоследствии известный как Юпитер Латигарис, Ромул-Квириин. Допустимо предположить, что имелись какие-то зачатки храмового хозяйства: единственный римский бог, которому было дозволено завещать имущество, а следовательно, и землю, был Юпитер Тарпейский (*Ulpian., Fragm. XXII, 6*), т. е. один из древнейших богов, имевших свой храм. Возможно также, что жречество если и не превращалось в касту, то имело тенденцию превратиться в замкнутую корпорацию, самостоятельно кооптировавшую своих сочленов (*Cic., Leg. Agr. II, 7*).

На выделявшихся из общественных землях царя и знати развивались соответственные формы эксплуатации. К сожалению, мы ничего не знаем о царских землях, кроме вышеупомянутого свидетельства Сервия об аврунках и рутулах, возделывавших землю Латина, которое возможно, представляет собой смутный отголосок действительно существовавших на землях царей отношений.

Можно полагать, что цари имели и трудившихся на их землях клиентов. О клиентеле знати мы имеем больше сведений, и, хотя они весьма отрывочны и туманны¹², все же, видимо, сомневаться в наличии сидевших на чужой земле клиентов не приходится. Возможно, не лишено значения, что в ранних греческих источниках пелатами, с которыми греческие авторы отождествляли клиентов, между прочим, именовались и соседи наряду с теми, кто приходит к кому-либо искать покровительства и становится от него зависимым. Еще во времена Плавта (*Trinum., 426—431*) клиенты должны были доставлять все необходимое для трапезы, которую их патрон устраивал в храме для народа. А как уже упоминалось выше, такие трапезы, скорее всего, были пережитками обязанности главы кровнородственной или территориальной группы кормить подчиненных ему общинников — здесь, видимо, за счет натуральных поставок клиентов, включавшихся в общину в силу своей зависимости от патрона, исконной (такова могла быть зависимость «соседей», т. е. сообщинников) или возникшей в ре-

¹⁰ *Carogrossi-Colognesi*, ук. соч., стр. 466.

¹¹ Любопытно, в этой связи, что в одной, правда, поздней и происходящей из Мёзин надписи, посвященной фракийскому всаднику, посвящение гласит: *Ego et domno* (*CIL, III, 7532*), т. е. Герой и *egus* совпадают.

¹² Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 68—73.

зультате разных причин, заставлявших человека искать покровительства знатного и могущественного патрона. Помимо клиентов, эксплуатировались также попавшие в кабалу должники и рабы различного происхождения. Все это позволяет думать, что эксплуатация на землях *virī fortes* носила тот же характер, который обычно присущ эксплуатации на соответственной стадии генезиса классового общества. И недаром, когда начали складываться легенды о царях-народолюбцах, то одному, то другому из них, а в первую очередь Сервию Туллию, стали приписывать меры по наделению бедных земель, чтобы избавить их от необходимости работать на других и тем превратить из зависимых и неполноправных в истинно свободных граждан.

Помимо земель царя и знати имелись и, вероятно, в большем количестве, земли кровнородственных и территориальных (скорее всего еще не полностью обособившихся друг от друга) общин, т. е. родов и пагов с их населенными центрами, селами, кастеллами и т. п., земли, отводившиеся большесемейным общинам — фамилиям. Как земельная собственность рода окончательно сменилась собственностью территориальных общин и фамилий, мы не знаем, но вряд ли случайно то обстоятельство, что учреждение пагов с их законами, системой управления, культурами и празднествами опять-таки приписывалось разным «хорошим» царям, и в частности Сервию Туллию (*Dion. Halicarn.*, II, 76; IV, 15). Ослабление кровнородственного принципа было, естественно, в интересах тех, кто в силу тех или иных причин стоял вне родовой организации. Кое-какие отголоски этого процесса можно заметить в культе. Так, Гений первоначально считался прародителем и божеством рода и лишь постепенно стал гением отдельного лица¹³. Судя по тому, что в древнейшие времена к культу гения *pater familias* допускались только свободнорожденные, таково же было положение и в культе божества рода. В нем, очевидно, могли участвовать только сородичи — *gentiles*, а к ним, как известно, причислялись лишь те носители родового имени, все предки которых были свободнорожденные. Напротив, Лары, выступавшие как и греческие Герои не только в качестве обожествленного «господина», аристократа, но и в качестве божеств — покровителей фамильных общин, с самого начала (кстати, в отличие от греческих Героев) были тесно связаны с неполноправными членами фамилии, в первую очередь с рабами. Рабам же отводилась немаловажная роль в культе Ларов как божеств территориальных общин. В празднестве *Компиталий*, справлявшемся на перекрестке дорог всеми соседями, участки которых к этим дорогам примыкали, участвовали все землевладельцы и земледельцы, без разбора происхождения, видимо, так же как и в религиозных церемониях пагов — паганалиях. И хотя Лары часто воспринимались как души предков, роль кровнородственного начала в культе Ларов явно играла подчиненную роль. Главной функцией Ларов становится их покровительство некоей производственной и социальной ячейке, независимо от того, кто к ней принадлежал, будь то община соседей или фамильная община. Лары выступали как хранители ее границ (отсюда их культ на отделявших участки соседей дорогах и в служивших границами общин рощах; отсюда же, скорее всего, призыв к ним в гимне Арвальских братьев, аналогичный призыву к имевшему сходные функции Марсу, во время люстрации той или иной территории ее границ); как гаранты добрососедских отношений и справедливости в отношениях между членами фамилии (отсюда обычай младших членов рабов искать у алтаря Ларов защиты от гнева *pater familias* и уверенность в том, что Лары, внимательно наблюдая за жизнью фамилии, нака-

¹³ Nonn. M a r c e l l., *Compendiosa Doctrina*, Lips., 1903, стр. 172.

зывают злых и нечестных — *Plut.*, *Quaest. Rom.* 2, т. е. нарушающих заветы *pietas* во всем ее многообразии). Член фамилии, пока был под властью ее главы, участвовал и в ее священнодействиях — *in sacris familiae remanet* (*СI*, VIII, 53, 11), а важнейшим из них был культ Ларов. Они были символом всех тех отношений, без которых данная социально-экономическая ячейка не могла функционировать и поддерживать необходимые связи с другими такими же ячейками. Обязанность отправления фамильного культа переходила к наследнику, ложась на него тяжелым бременем затрат, причем независимо от того, был ли наследник родственником покойного *pater familias* или посторонним, или даже человеком, купившим фамилию у наследника¹⁴, что лишней раз показывает ослабление связи культа Ларов с культом предков. Взаимосвязь функций главы фамилии как администратора ее имущества и жреца культа ее Ларов, санкционировавших его необходимый для организации производства авторитет, особенно наглядно выступает в формуле лишения правоспособности расточителя: «Так как ты, говорил претор, своей негодностью губишь отцовское и дедовское имущество и ведешь детей к нужде, я запрещаю тебе служить Лару и вести дела (*Lare commercioque interdico*)» (*Paul.*, *Sent.* IV^a, 7). От Лара, по словам Плавта и Горация, зависело господство над наследственным имуществом¹⁵, а по словам Цицерона, Лар в праве значил не меньше, чем законный брак и законные дети (*De her.* V, 3). Роль культа Ларов в его отношении к собственности и правоспособности здесь в значительной мере аналогична вышеупомянутой роли семейных святынь и святилиц в Полинезии.

Значение, какое приобрел культ Ларов, указывает на возросшую роль производственных целостностей — общин, большесемейных (фамилий) и сельских (пагов), уже лишь номинально связанных или вовсе не связанных общностью происхождения.

Черты общины были присущи и возникшему из объединения мелких поселений городу. Обычно считается, что ко времени возникновения писаного права в Риме уже господствовала частная собственность, ограниченная лишь принадлежностью собственника к гражданской общине, поскольку негражданин не мог быть землевладельцем. Критериями здесь служат, во-первых, обычная формула утверждения принадлежности вещи, в том числе и в первую очередь земли — *meum esse ex iure Quiritium* (но в любой общине, в которой не было полной общности земли или постоянных ее переделов, сочлен общины смотрел на отведенный ему участок как на свой, в противоположность земле, остававшейся в общем пользовании или еще никем не занятой); во-вторых же, возможность отчуждения земельных участков, хотя бы и в пределах гражданской общины. Между тем, если отказаться от предвзятого представления об отчуждении как решающем критерии, мы увидим, что *civitas* налагала на своих сочленов ограничения, несовместимые с обычным представлением о частной собственности, так как эти ограничения переносили неотъемлемое от полной частной собственности право распоряжения на общину в целом.

Сама процедура манципации *res mancipiae* — земли, рабочего скота, рабов, т. е., по общему мнению, того, что имело наибольшее значение для сельского хозяйства, показывает, что переход их от одного гражданина к другому был поставлен под контроль. Другая древнейшая форма отчуждения — *in iure cessio*, носившая характер воображаемой тяжбы покупателя с продавцом за спорный участок с присуждением его покупа-

¹⁴ *P. Muc. Scaevol.*, *Fragm.* 3; *Q. Muc. Scaevol.*, *Fragm.* 14; 15; *C i c.*, *De leg.* II, 48—49; *P l a u t.*, *Trinum.* 433—444.

¹⁵ *P l a u t.*, *Aulular. Prooem.*; *H o r a t.*, *Od.* 12, 43; I, 2, 56.

телю, возможно, тоже связана с контролем общины за распределением наделов земли, так как первоначально надел передавался другому в результате действительного соответственного решения общины или ее представителей. Еще более показательно, что в древности завещание, относившееся, по Гаю, не к частному, а к публичному праву (Dig. XXVIII, 1, 3), могло утверждаться только комициями или общим собранием войска, т. е. тоже народа. Притом, если законный наследник, находившийся под властью *pater familias*, сын или внук, лишался наследства в пользу другого лица, это должно было быть оговорено особо и лишенный наследства назван по имени. В этом случае контроль гражданской общины за распоряжением имуществом и, вероятно, редким случаем перехода его не к законному наследнику, а к постороннему, уже совершенно очевиден. Последняя форма древнейшего завещания, когда имущество в присутствии свидетелей передавалось кому-либо с просьбой после смерти владельца отдать его наследнику, по смыслу, возможно, близка к продаже по *in iure cessio*: имущество как бы возвращалось в общинный фонд, а затем передавалось другому общиннику. Но, пожалуй, самым убедительным фактом является *usucapio*, т. е. приобретение движимого имущества одним, а недвижимого — двумя годами пользования, после какового срока на это имущество никто, включая и его прежнего владельца, уже не мог претендовать. Аналогичное право было присуще и другим общинам, в которых господствовало представление о земле как общественном достоянии, право на часть которого имеет лишь тот, кто возделывает ее своим трудом, т. е. там, где складывается тесно связанная с общинными отношениями принцип трудовой собственности. Так, например, принцип этот был прослежен в общинах разных народов на территории России, особенно в периоды расселения этих общин по вновь освоенным территориям¹⁶.

По Дионисию Галикарнасскому, Нума или Сервий Туллий, учредив паги, поставили в них начальников, следивших за тем, чтобы все прилежно обрабатывали землю и самовольно ее не бросали (II, 71; IV, 15), — версия, если и возникшая в более поздние времена, то порожденная тем же представлением, которое породило и *usucapio*, и исконное отождествление понятий *vir bonus et agricola diligens*. Это представление определялось необходимостью воспроизводства общины, как основной предпосылки производства, а следовательно, и необходимостью наиболее целесообразного использования, наилучшей обработки принадлежавшей ей территории, части которой отводились фамилиям и, скорее всего, пагам, как некоему целому.

Итак, хотя данные наши немногочисленны и разрозненны, они в совокупности все же позволяют полагать, что в начале своего существования Рим знал обычные для стадияльно близких обществ виды земельных владений: собственность общин, сочетавшуюся с собственностью фамилий, представленных их главами; собственность царскую и собственность знати с соответственными формами эксплуатации и зарождавшейся социальной структуры и идеологии. Какие же изменения внесла победа плебса? Что возникло нового и что сохранилось от старого?

Перипетии борьбы патрицев и плебеев, в частности, и в интересующем нас плане, к сожалению, известны далеко не достаточно и затемнены по-

¹⁶ Р. К а ч о р о в с к и й, Русская община, т. I, СПб., 1900, стр. 118—124, 133—146, 158—159. Принцип связи права собственности на землю с вложенным в нее трудом обуславливал особенно прочные права на приусадебные участки, требовавшие наибольшей затраты труда, что находит полную аналогию в правах на двухъягеровые наделы римлян. По-видимому, здесь еще неправомерно противопоставлять собственность владению или вообще как-то пытаться их расчленить. Они не расчленились теоретически; практически же права определялись затраченным на обработку участка трудом.

следующими наслоениями легенд и вольных интерпретаций прошлого. Поэтому о результатах, обусловивших особый путь развития римской собственности, мы можем судить лишь очень суммарно.

Царская земля, естественно, перестала существовать с изгнанием царей, но о ее дальнейшей судьбе мы не знаем. Мы не знаем также, когда было запрещено дарить и завещать землю богам, т. е. храмам, за исключением Юпитера Тарпейского, но Цицерон упоминает этот закон, как относящийся ко временам «предков» (*De leg.* II, 23; 45). Этим запрещением была пресечена возможность развития столь характерного для других ранних обществ храмового землевладения.

Важнейшим этапом на пути конституирования римской собственности было введение земельного максимума законами Лициния — Секстия. Установление земельного максимума надолго ограничило рост крупного землевладения *viri fortes*; кроме того, оно конституировало окончательно *civitas* как общину, вся земля которой была ей подконтрольна, имевшую верховное право распоряжения землей, право отводить ее тем или иным гражданам или, напротив, отбирать; и, наконец, обусловило широкое наделение землей неимущих. Вместе с тем, запрещение долгового рабства и меры по ограничению долговой кабалы (правда, отнюдь не всегда достигавшие цели, так как долговая кабала постоянно возрождалась и по временам число аддиктов сильно возрастало), сделали римскую гражданскую общину тем, чем она была, хотя бы в идеале, до своего полного разложения. Клиенты, получая земельные участки, экономически в значительной мере эмансипировались от патронов, и возможности их эксплуатации, так же как эксплуатации должников, безземельных и т. п., значительно сузились. Общая же демократизация социально-политического строя, если не всегда фактически, то теоретически устраняла юридическую зависимость клиентов, установив и непосредственную (а не через патронов) связь с *civitas*. Наиболее, так сказать, перспективным объектом эксплуатации стали стоящие вне гражданского общества рабы, что и обусловило развитие «классического» римского рабства и полной, бесконтрольной частной собственности на рабов, выраженную термином *dominus* в противоположность более расплывчатому *egus*. Твердо установился принцип не только обусловленности права на землю (как частную, так и общественную) принадлежностью к гражданской общине, но и обязанности общины наделить гражданина землей¹⁷ или какими-то иными средствами к существованию. Отсюда необходимость постоянно расширять *ager publicus*, не только и не столько за счет нормирования величины наделов, сколько за счет завоеваний.

Эти изменения вызвали соответственные изменения в религиозной санкции существующих отношений. Не только не развивался, но практически исчез культ царей, во всяком случае, мы не находим его в живой религии. Предания об апофеозе Латина, Энея, Ромула сохранились, но культ их заглох. Исчез культ Ларов как Героев аристократических родов. Лары, если они и были ранее аналогичны Героям в упомянутом смысле и носили соответственные имена как «Лар Эней», окончательно становятся безыменными божествами только фамильных и территориальных общин.

¹⁷ Допустимо предположить, что с взаимосвязью понятий «гражданин» и «собственник» была связана одна из древних форм освобождения раба по цензу. Скорее всего, внося рабов в ценз, господин выделял им и какое-то тоже вносившееся в ценз имущество. Об обычае давать кое-что отпускаемому рабу упоминают Плавт и Теренций. Интересной параллелью является обычай, имевшийся на Кинесмильских островах: безземельный считался там на положении раба, но получив, тем или иным путем землю, становился свободным (Р. Нибур, *Рабство как система хозяйства*, СПб., 1907, стр. 295).

Высшими, наиболее чтимыми богами становятся боги верховного собственника — гражданской общины.

На основании ряда данных о пагах, селах, каstellлах республиканского времени, мы можем считать, что фактически они сохраняли характер общин с типичным для общины распределением отведенной ей территории, из которой одна часть отводилась под наделы отдельным общинникам, другая часть сдавалась им же в аренду, третья оставалась в общем пользовании в качестве необходимых угодий¹⁸.

Как и на общеримском *ager publicus* за арендованные участки взималась определенная плата, чем они отличались от частных, но и те, и другие могли отчуждаться. На общинный характер таких организаций, часто именовавшихся соседствами — *vicinia*, указывает и взаимопомощь соседей в обработке земли, являвшейся по словам Цицерона (*De off. I, 18*) обязанностью, столь же освященной традицией, как обязанности относительно родных и клиентов.

Но как уже упоминалось в связи с установившимся после победы плебса принципом подконтрольности всей земли *civitas* и непосредственной связи гражданина с гражданской общиной (принципа, отразившегося также в эмансипации клиентов), такие общины — паги и села — сохранили характер только производственных ячеек и, отчасти, подобных коллегиям политических организаций, но не единиц социальной структуры. *Civitas* была не союзом общин, а союзом граждан.

Возможно, именно в связи с торжеством этого принципа следует рассматривать и много обсуждавшийся вопрос о существовании в Риме расщепленной, разделенной собственности. Вопрос этот был неясен для самих римских юристов, особенно позднейшего времени, когда, как мы увидим, теория постоянно приходила в противоречие с практикой. Более же ранние, близкие к эпохе Республики юристы решительно отрицали возможность обладания одной вещью для разных лиц. По словам Лабейона, «ты так же не можешь владеть тем, чем владею я, как не можешь стать там, где я стою» (*Dig. XLI, 2, 3, 4, 6*). И хотя сами римляне на этот счет ничего не говорили, допустимо полагать, что именно прямая, непосредственная связь равноправных граждан как друг с другом, так и с государством, ответственность каждого владельца за свое имущество, которое он лично получал из общественного фонда и о котором был обязан заботиться, отвечая за него перед обществом, исключала идею разделенной собственности, принадлежавшей нескольким лицам, так что оставалось неясным, кто за это владение отвечает.

Представление же это, и ранее отражавшееся в *ususcapio*, с окончательным конституированием *civitas* чрезвычайно укрепилось и было засвидетельствовано юристами разных эпох римской истории. Само право *ususcapio* мотивировалось тем, что не должно быть неопределенности в собственности (*Dig. XLI, 3, 1*), т. е. чтобы было ясно, кто отвечает за извлечение доходов из данного имущества. Оккупировавший пустующее, заброшенное хозяином имение и начавший его возделывать, получал на него все права, в том числе и против прежнего хозяина (*Dig. XLI, 3, 4, 25; 27*). Без насилия возникло владение имением, если оно возникло вследствие небрежности или долгого отсутствия господина (*Dig. XLI, 3, 37, 1; Gai., Inst. II, 51*). Приобретение имения на том основании, что оно пустовало, было столь же законным, как если бы оно было куплено или получено в наследство (*Cic., Ad Herenn. IV, 29*). Даже *agri vectigales*, если город о них не заботился, могли стать собственностью того, кто их обрабатывал (*Dig. XXXIX, 2, 27*), хотя, по общему положению, эти земли не

¹⁸ E. S e r e n i, *Comunita rurale nell'Italia Antica*, Milano, 1955.

могли переходить в собственность частных лиц, и тот, кто их имел, мог отчуждать не самые земли, а то право долгосрочной аренды, которое у него на них было (Dig. XVIII, 1, 32; XXX, 41, 5—9; 71, 6). Владение и извлечение дохода были неразрывно связаны. Цицерон в шутивном письме Куриону пишет, что только то является чьей-либо собственностью, чем он пользуется и из чего извлекает доход — *utitur et fruitur* (Ad Fam. VII, 30). Тот, кто переставал извлекать доход, тем самым отказывался от имени, оно как бы возвращалось в общественный фонд и его мог присвоить, с санкции гражданской общины, тот, кто начинал его возделывать, извлекать из него доход, что и делало его владельцем, ибо, как говорили юристы, владение — результат не только воли и факта, но права (Dig. XLI, 2, 49, 1). Одним из важнейших аргументов тех, кто агитировал за аграрные законы и передел земли, состоял в ссылке на то, что владеющие слишком большими именьями не в состоянии их обработать и земли не дают доходов (Cic., Leg. agr. II, 31). Если кто-нибудь был введен во владение чужим имуществом (*missus in possessione*), например, имуществом отсутствующего наследника для его охраны или должника, он был обязан тем или иным способом извлекать из него доход под угрозой иска и большого штрафа¹⁹. Даже запрещение посвящать землю богам мотивировалось тем, что такая практика может привести к ухудшению обработки земли (Cic., De leg. II, 23; 45), т. е. земля не должна была уходить из общественного фонда, из-под контроля гражданской общины.

Соответственно сохранялся и принцип «трудовой собственности» — права на землю того, кто ее обрабатывал, а также от первого ее обработавшего унаследовал. *Possessiones*, по Фесту, это земли, которыми владеют вследствие пользования ими, и каждый оккупировавший их обязан их обрабатывать. Право наследования считалось более полным, чем право покупки (Dig. XL, 1, 2, 13, 4), и земля, «перешедшая от отца и деда», — *paterna et avita* — считалась наиболее законным, наиболее неотъемлемым владением, противопоставлявшимся владениям, приобретенным иным способом (например, Cic., Leg. agr. III, 2)²⁰.

Самый исток владения возводился к праву первого, занявшего то, что было ничьим или было отобрано у врагов (Dig. XLI, 1, 51; 2, 1)²¹, к тем, которые первыми стали возделывать землю — *qui primi agros constituerunt* (Dig. XXXIX, 3, 23).

Связь собственности с правом отчуждения здесь значительно меньшая, чем с обязанностью использовать ее ко всеобщему благу, ради которого частным лицам и отводятся наделы. Характерно, что наличие у женщины приданого и его охрана, дававшие ей возможность вступить в брак и произвести на свет новых граждан, считались отвечающими в первую очередь интересам республики, общественным интересам (Dig. XXIII, 3, 1—2), так же как общественным делом было составление завещания.

Понятие извлечения дохода, что терминологически совпадало с получением плодов, в первую очередь, относилось к земледелию. Так, например, *praedia urbana* отличались от *praedia rustica* не их местоположением

¹⁹ Dig. XLII, 5, 5; 9, 6; P a u l., Sent. I, 13, 8—9.

²⁰ Такие же представления существовали и в русских общинах, где земли, унаследованные от первых, их оккупировавших, именовались «батьковщина», «отеческая земля», «родовое владение» (К а ч о р о в с к и й, ук. соч., стр. 99 и 108).

²¹ Характерно, что в этой связи юристы говорят о праве на пойманное дикое животное или взятого в плен человека: они находятся в нашей собственности, пока мы в силах их удерживать, убежав же, перестают быть нашей собственностью. Напротив, домашнее животное и рожденный рабыней раб остаются нашей собственностью и убежав. Здесь сказывается тот же принцип: на выращивание домашнего животного и раба затрачен труд, больший чем на поимку дикого зверя или пленного, потому они и являются настоящей собственностью.

в городе, или вне его, а тем, что сельские имения непременно должны были приносить плоды, городские же — нет. Сад, дохода не дававший, относился к *praedia urbana*, если же он был отведен под виноград или оливки к *praedia rustica* (Dig. L, 16, 198). Контроль, естественно, распространялся на сельские имения, как относившиеся к общественному земельному фонду и дававшие часть общественного дохода, распределявшегося затем в соответствии с сущностью и целями данного способа производства. Для воспроизводства гражданской общины гражданин должен был быть ей полезен, почему старая поговорка гласила, что согражданам ненавистен не несущий повинностей — *immunis* (CGL, т. VI, стр. 546). То, что обязанность извлекать доход из своего имения связана была именно с представлением об этом имении как о части общественного земельного фонда, переданного гражданину для обработки, косвенно подтверждается тем обстоятельством, что к другим видам имущества, с землей непосредственно не связанным, соответственные правила не относились. Правда, длительным пользованием при попустительстве владельца можно было приобрести права собственности и на движимое имущество. Но там, где речь идет о праве захвата пустующего из-за необрежности хозяина имения, речь всегда идет о земельном владении. Ничто не обязывало хозяина мастерской производить ремесленную продукцию и другому лицу не давалось права в случае, если он этого не делал, захватить мастерскую. Не обязывался человек и извлекать доходы из труда своих рабов. И здесь весьма показательно различие, проводимое Цицероном между рабами и некоторыми иными видами имущества: рабов, говорит он, мы не получаем от народа (in *Verr.* II, 4, 5). И хотя рабы, наряду с землей, составляли важнейшее средство производства, поскольку они не принадлежали к общественному фонду, контроль за их использованием со стороны гражданской общины места не имел, право распоряжения всецело оставалось у господина. Захватить не занятого делом, не дающего дохода раба было нельзя.

Весьма наглядно теоретический взгляд на земельную собственность в конце республики сформулировал Цицерон: ничто, говорит он, не является частным по природе, но либо вследствие древней оккупации, либо если кто пришел на пустующие места, либо вследствие победы, либо по условию, договору, закону, жребию. Так, тускуланская земля, значит земля тускуланцев; то же и частные владения. Частное происходит из того, что по природе было общим, и что кто получил, тем он и должен владеть, не стремясь к большему (Cic., *De off.* I, 7). Земля, пишет и Гораций, по природе не имеет господина. Она переходит от одного к другому, но она ничья, а достается в пользование то мне, то другому (Horat., *Sat.* II, 2). Впоследствии то же поворил Сенека: пусть твоя земля досталась тебе от отца и деда, раньше она была у других людей. Ты ею владеешь не как собственник, а как колон. Она общая собственность — *publicum* — человеческого рода, а согласно юристам, общественную собственность нельзя присвоить долгим пользованием — *usucapere* (Seneca, *De tranq. anim.* 11).

В трудах современных историков и юристов общим местом стало утверждение, что к концу республики власть *pater familias* значительно ослабела, и самая фамильная собственность индивидуализировалась, утратила характер собственности большесемейной или домово́й общины. Утверждение это справедливо в том смысле, что, видимо, значительно реже, чем прежде, братья после смерти отца продолжали вести нераздельное хозяйство. Вместе с тем, для эпохи Республики, судя по надписям, достаточно часто рабы принадлежали нескольким братьям. На значительные следы фамильной собственности, как собственности большесемейной общины, указывают такие факты, как освобождение раба по решению собрания

когнатов (Cic., Pro Cael. 29), как обязательное присутствие родственников при допросе раба под пыткой (Cic., Pro Cluent, 16), а также все еще сохранявшиеся семейные суды над лицами, состоявшими под властью *pater familias*—(Seneca, De Clem. I, 15) и, наконец, точка зрения на *sui heredes*, т. е. сыновей и внуков, бывших *in potestate* отца, как на латентных совладельцев фамильного имущества, которые, после смерти главы фамилии, собственно только получают по закону право распоряжения тем, чем и ранее владели²². Мы не имеем никаких данных, позволяющих заключить, что эмансипация сыновей, превращение их в лиц *sui iuris* стала со временем более частой. А пока они находились под властью отца, никакой собственности во все времена действия римского права они иметь не могли. Отец мог выделить сыну пекулий, но дар его сыну не признавался законным, так как это был бы дар самому себе (Fr. iur. Rom. Vat., 295). За все сделки сына отвечал отец, даже если сын отправлял почетные городские должности.

К фамильной общине в известной мере принадлежали и вольноотпущенники. Они вносили в ее фонд свой труд (отработки отпущенников), часть имущества, иногда при жизни и всегда после смерти, в виде обязательной доли патрона в наследстве отпущенника. Но, с другой стороны, они имели право в случае нужды на алименты, так как патрон, не обеспечивший отпущеннику некий прожиточный минимум, терял свои на него права. Как и обычно в большинстве аналогичных большесемейных или домовых общин, глава был обязан кормить находившихся под его властью.

Несмотря на эмансипацию клиентов, клиентела в ее старом производственном значении не исчезла. В больших имениях знати было большое число из поколения в поколение сидевших на земле клиентов. Они отличались от колонов-арендаторов тем, что их отношения с землевладельцем регулировались не договором, а обычаем, и что владелец мог их с земли согнать. Можно полагать, что правом эти отношения осмыслились как прекарное владение, возникавшее в результате просьбы прекарриста о предоставлении ему владения и «благоденствия» собственника, удовлетворившего просьбу и оставлявшего прекарриста на земле до тех пор, пока то было ему угодно, без права прекарриста приобретать собственность давностью пользования (Paul., Sent. V, 6, 11—12). В вышеупомянутом споре римских юристов о возможности расщепленного владения некоторые считали, что именно прекарий представляет собой пример такого разделенного владения одной вещью: ею владеют и собственник, и прекаррист. Мы мало знаем о происхождении прекария. Несомненно, одним из его истоков был залог: должник, закладывая свой участок, испрашивал его в прекарное владение (Dig. XLIII, 26, 6, 4). Возможно, на прекарном праве давались участки отпускавшимся по цензу или иным путем рабам и бедным клиентам. Часто современные историки права недоумевают, почему прекаррист считался владельцем, тогда как получавший землю на правах *узфрукта* (о чем далее) таковым не считался. Может быть, допустимо предположить, что прекарий был более древним институтом, когда трудовой принцип санкции владения безраздельно господствовал в обычном праве общины. Узфрукт же возник позже как отношение скорее договорное, подобное аренде, когда различие между правом собственности и фактом приложения труда стало более четким. Недаром и сами юристы возводили прекарий к *ius gentium* и естественному праву. Как бы там ни было, клиенты, бывшие прекарными владельцами части имущества *pater familias*, тоже в известной мере входили в фамильную общину, и, конечно, не случайно, что предавший клиента патрон считался проклятым

²² Dig. XXVIII, 2, 11; Gai., Inst. II, 117.

не только по законам XII таблиц, но и у Вергилия терпел в загробном царстве муки наряду с изменниками родины, инициаторами нечестивых гражданских войн и тому подобными нарушителями заветов *pietas*. Рабы входили в фамилию без какого-либо права на имущество за исключением своих пекулиев, которые они, по выражению Ульпиана, держали по естественному праву (*tenet naturaliter*) и могли передавать это право другим (Dig. XLI, 2, 24; 3, 45, 1). Однако при всем своем бесправии и они все же были сочленами фамильной общины. Известно, что Катон в случае особо тяжелых преступлений рабов созывал всю рабскую фамилию и устраивал суд над виновными (Plut., *Sato maior*, 21). Еще более замечателен тот факт, что в Бауланской и Лукулланской императорских виллах, где рабы при Августе или Тиберии были организованы в коллегию со своими магистратами и *ordo decurionum*, *ordo* по общему постановлению отдает или продает земельные участки для сооружения надгробий (CIL, X, 1746—1750), т. е. признается, в какой-то степени владельцем или совладельцем земли имений. Мы не знаем, имело ли что-либо подобное место на частных землях. Но распространенность в имениях рабских коллегий с выборными жрецами, магистрами, министрами, позволяет предполагать, что и некоторые частные лица, следуя примеру императоров, хотели подчеркнуть общинный характер фамилии и причастность рабов к ее жизни и самоуправлению. Все так или иначе причастные фамилии лица объединялись по-прежнему вокруг культа Ларов — покровителей фамилии и ее земли, а впоследствии и разных других играющих ту же роль божеств, в частности и Гения *pater familias*, во времена Империи отчасти сливавшегося с Ларами.

Все эти данные показывают, что представление о полном разложении фамилии как общины несколько преувеличено. Фамилия оставалась сложным целым с противоречивым сочетанием абсолютной или более ограниченной, но достаточно реальной власти ее главы над всеми ее экономическими ресурсами, включая труд сочленов, с издавна сложившимися по традиции правами этих сочленов, во-первых, на обеспечение их потребностей, а во-вторых, на совладение имуществом, в которое они вложили свой труд, будь то латентное право собственности *sui heredes*, право прекарных владельцев — клиентов, право вольноотпущенников на алименты, рабов на пекулии, и в некоторых, несомненно ограниченных, но все же существовавших случаях, на территорию возделываемого ими имения.

При всей разнице между правами собственности полноправного гражданина и так или иначе зависевшего от него лица, возможно, и здесь допустима столь часто проводившаяся римлянами аналогия между государством и фамилией: первичность их как основных производственных ячеек, их верховного права собственности (в фамилии — собственности ее главы) и, соответственно, обусловленность прав и обязанностей граждан государства и членов фамилии их принадлежностью к этим ячейкам, что находило свое отражение в их обязательном участии в культах богов — покровителей государства или фамилии. И в обоих случаях обуславливала всю организацию идентичность целей: наилучшая обработка земельной территории и, отсюда, то или иное право на ее часть в зависимости от вложенного в нее труда, на получение плодов, доходов, распределявшихся согласно условиям производства.

Таким образом, мы можем полагать, что элементы общинного начала в разных пропорциях присутствовали в основных производственных коллективах того времени: в фамилиях, сельских организациях, в самой *civitas*, идентифицировавшейся с *populus Romanus*.

Конечно, к концу Республики, в первую очередь, в связи с развитием товарно-денежных отношений, индивидуальная собственность достигла

высокого развития и индивидуальные хозяйства разных размеров, с разным составом рабочей силы складывались и на частной и на государственной земле, т. е. земле римского народа. Но разница между теми и другими состояла не в праве отчуждения, распространявшемся на оба вида земельных наделов, а в наличии или отсутствии обязанности платить ренту в римскую казну и в большей или меньшей гарантированности собственности. С другой стороны, для всех видов имений действовало право труда, трудовое обоснование собственности, которой мог быть лишен владелец, пренебрегший получением плодов (или дохода) из своего участка. А это свидетельствует в пользу первичности права гражданской общины не только на *ager publicus*, но и на *ager privatus*, что, как мы видели, отразилось и в философских концепциях, и в мировоззрении в целом. На этой первичности основывалась вся борьба вокруг аграрных законов. В принципе, несмотря на сопротивление крупных собственников изъятию земельных излишков, сомнений в праве на передел земли на основе земельного максимума, видимо, не высказывалось. В речах по поводу законопроекта Сервилия Рулла, Цицерон неоднократно упоминает лиц, чрезмерно обогатившихся на проскрипциях Суллы и не надеющихся сохранить свои земли, боящихся любого слуха об аграрном законе. Но вопрос стоял о том (и так его ставил Цицерон, особенно обращаясь к народу), что для народа выгоднее: получить из *ager publicus* небольшие наделы в частную собственность или сохранить *ager publicus* и получаемую за него ренту, используя ее в централизованном порядке на различные нужды того же народа. Соответственно решалась и дальнейшая судьба *civitas* как общины: сохранится ли она, как таковая с земельным максимумом и пределами земли²³, или распадется.

Разложение гражданской общины зашло уже к этому времени столь далеко²⁴, что как крупные, так и многие не только средние, но и мелкие собственники, несмотря на различие их интересов, стремились к большей гарантированности прав на свои имения. Крупные собственники хотели избавиться от постоянного страха перед аграрными законами, мешавшего им, по словам Цицерона, тщательно возделывать свои имения, так как вложенные в рационализацию хозяйства средства могли оказаться потерянными в случае конфискации и передела земель. Средние и мелкие собственники стремились обезопасить свои имения от могущественных соседей, действовавших различными способами, от прямых насильственных захватов до ростовщических операций, превращавших прежнего собственника в лучшем случае в прекарриста, в худшем — в кабального аддикта. Возможно, использовалось и право захвата пустующих владений, поскольку наделы уходивших на войну крестьян оставались надолго необработанными. В условиях, когда развитие товарно-денежных отношений, приток материальных ценностей из провинций, различные политические пертурбации, с одной стороны, ускорили концентрацию земли, а с другой, способствовали умножению числа мелких и средних имений, приобретенных на деньги, скопленные ремесленниками, торговцами, государственными служащими, свободными и отпущенниками, когда крестьянам, участки которых часто находились на *ager publicus*, постоянно грозило разорение

²³ Видимо, борьба за установление периодических переделов наступает в каждой общине, когда в ней обострятся имущественное неравенство, а свободной земли для оккупации становится мало, см. К а ч о в с к и й, ук соч., стр. 177—311. Можно полагать, что в связи с этой борьбой стояли и попытки ввести принцип неотчуждаемости наделов, действующий в общинах с периодическими переделами, а не искони присущий всякой общине.

²⁴ Разложение античной формы собственности как причину кризиса римской гражданской общины и римской республики исследовал С. Л. Утченко в книге «Кризис и падение римской республики» (М., 1965).

и те же конфискации общественных земель в пользу новых собственников, гарантированность владения становилась актуальной для разных слоев. Бедняки хотели получить наделы, но с тем, чтобы их уже не могли отобрать. Отсюда популярность в их среде аграрных мероприятий, приписывавшихся Сервию Туллию, легенда о боге Термине, освящавшая нерушимость межей и т. д. Крупные и средние собственники хотели гарантии от новых аграрных законов, ссылаясь на то, что, хотя земля общая, тот, кто получил ее часть, не должен быть ее лишен (такую аргументацию мы видели выше у Цицерона), и на то, что уравнение имущества умножившего свое имение прилежного хозяина и нерадивого бедняка несправедливо и лишит граждан стимула к труду (Quintil., Declam. 262). Принцип верховной собственности на землю гражданской общины, которая могла согнать одних владельцев и передать их землю другим, приходил в противоречие с принципом наилучшей обработки земли, максимального извлечения дохода.

Противоречие это в известной мере разрешил Август. Значение его аграрной политики на основании тщательного и весьма убедительного сопоставления источников показал В. И. Кузицин²⁵. Его исследование в значительной мере разрешает издавна ведущийся спор о том, привели ли реформы триумвиров и Августа к усилению мелкого или, напротив, крупного землевладения. В. И. Кузицин выяснил, что реформы эти имели и тот, и другой результат. Массовое наделение землей ветеранов и выведение колоний почти во всех областях Империи, значительно умножили число мелких и средних землевладельцев в Италии и провинциях. С другой стороны, давая военачальникам, своим соратникам и приближенным имения в несколько центурий, Август положил начало росту латифундий, которые, согласно выводам В. И. Кузицина, были немногочисленны в эпоху Республики и стали характерным явлением при Империи.

Для нашей темы особенно важно, что собственность землевладельцев теперь должна была получить ту гарантированность, которой она не имела при Республике, и к которой стремились разные слои землевладельцев. По принятой с начала и до конца Империи фикции, римский народ «перенес свою власть и величество» на императора, который, следовательно, становился верховным собственником земли, хотя часть ее продолжала формально числиться за римским народом. Никакие аграрные законы по требованию народа более проводиться не могли, аграрную политику направлял и осуществлял глава государства, естественно, в интересах того класса, который был его наиболее надежной социальной опорой.

Возможно, не случайно с началом Империи совпадает появление нового термина для обозначения римской квинтской собственности — *dominium*, по утверждению римских юристов, не совпадающего с термином *possessio* и даже не имеющего с ним ничего общего (Dig. XLl, 2, 12). Появление термина *dominium* не находит исчерпывающего и общепризнанного объяснения у современных исследователей²⁶. Одни считают, что он возник в результате эволюции от ограниченной собственности — владения к неограниченному полному праву собственности. Другие доказывают, что сумма прав собственника искони была максимально полной, но соответствующее теоретическое обоснование ее отсутствовало и появилось лишь со временем, выразившись в абстрактном термине *dominium*. Разделение на *dominium* и *possessio* связывают также с различием прав на общественные и частные земли и с появлением различных «прав на чужие вещи»: узуфруктом, сервитутами, залогом и т. п.

²⁵ В. И. Кузицин, Земледелие и землевладение в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э., рукопись докт. дисс. стр. 984 сл.

²⁶ Историю вопроса см. в упомянутых выше работах Капогросси-Колонези и Диосиди.

Решение вопроса затрудняется тем, что у самих римских юристов, несмотря на противопоставление *possessio* и *dominium* мы не находим четкой характеристики различия между тем и другим, различия между правами *dominus* и *possessor*²⁷. Как мы помним, если первый изгонял второго из имени, по интердикту *unde vi* владение восстанавливалось (Dig. XLI, 3, 4, 25), а значит, права собственника не были более абсолютны, чем права владельца, и даже, напротив, иногда оказывались меньшими. Отчуждать вещь мог в равной степени и господин, и посессор (например, Dig. VI, 1, 3). По словам юристов, интердикт *uti possidetis*, защищавший владельца прогив насилия, возник потому, что владение отделено от собственности, ибо, хотя *possessor* и *dominus* могут совпадать в одном лице, но может быть и так, что *dominus* не *possessor* и наоборот (Dig. XLIII, 17, 1, 2). Владение и собственность могут не совпадать потому, что собственность может не совпадать с получением плодов (Dig. XLI, 2, 52), аргумент очень важный, так как показывает, что владение, как и прежде, было связано в первую очередь с эксплуатацией имущества, с обязанностью извлекать из него доход, на который посессор имел те же права, что и *dominus* (Dig. XXII, 1, 25, 1). В этом смысле важно самое общее положение о приобретении вещи: своей ты делаешь вещь благодаря пользованию и утрачиваешь ее вследствие непользования (Dig. IV, 6, 1, 1). Здесь разница между различными правами на вещь не проводится. Показательно, что на данное в залог, например раба, *dominium* сохранялся у должника, *possessio* переходило к кредитору (Dig. XLI, 1, 37), тогда как при депозите и собственности, и владение сохранялось у того, кто дал вещь на хранение (Dig. XIII, 6, 8). Видимо, это объясняется тем, что кредитор имел, а депозитарий не имел права пользоваться переданной ему вещью и получать от нее доход. И то, на что человек имел собственность, и то, чем он владел, входило в состав его имущества — *in bonis* — и его отношение к этому имуществу определялось понятием «иметь» — *habere*, дававшим ему право имущество удерживать, а в случае утраты его — вчинять иск²⁸.

Таким образом, *possessio* и доминий не различались ни с точки зрения свободы отчуждения, ни с точки зрения гарантированности прав. Пожалуй, единственное более или менее явное различие между *possessio* и *dominium* дается в определении, согласно которому *possessio*, поскольку для завладения и удержания владения требовалось не только фактическое обладание, но и желание владеть, зависит от воли владельца, тогда как доминий от воли не зависит (Dig. XLI, 2, 17, 1). Иными словами, от владения можно было отказаться, утратив волю владеть; собственность закреплялась навечно и одним волевым актом отказаться от нее было нельзя. Собственность, согласно праву, нельзя было дать на время (Fr. iur. Rom. vat. 283). В первом случае видна тесная связь прав сочлена гражданской общины с этой общиной как верховным собственником: он получал от нее свой надел, мог его продавать, завещать и т. д. другому члену общины; никто не мог его у него отобрать, пока он его обрабатывал, т. е. подтверждал факт владения приложением труда (владение телом, по юридической терминологии) и не отказывался от своего имущества (по той же терминологии — владение духом). Если же он прекращал обработку земли

²⁷ Исключение составляет определение данное юристом конца I в. до н. э. Элием Галлом, считавшим, что *possessio* — это пользование землей, а не сама земля, почему нет *possessio ex iure Quiritium* и владение защищалось преторскими интердиктами (A e l. G a l l., Fragm. 12; ср. Dig. L, 16, 115). Здесь, возможно, отразился первый этап разделения *possessio* и *dominium*, которые, однако, вскоре снова слились на практике и смутно дифференцировались в теории.

²⁸ Dig. XXXVII, 1, 1; 3, 1—2; XLI, 1, 52; L, 16, 49; 17, 15; XLV, 1, 33, 9; G a i., Inst. II, 9.

или отказывался от нее, то утрачивал владение телом и духом, его участок возвращался в общественный фонд и передавался другому или присоединялся к *ager publicus*. При доминии собственник как бы прикреплялся к своей собственности, связь ее с общественным фондом ослабевает, гарантированность связи собственника с собственностью укрепляется, почему и можно полагать, что появление термина «доминий» и его соответственное осознание связано с аграрной политикой Августа, утвердившего права собственности на землю, приблизив ее к собственности *dominus*'а на раба, т. е. к частной собственности в современном ее понимании, распоряжение которой не контролируется. Намек на это можно видеть в одной свасории современника Августа, Сенеки Старшего. Я, говорит оратор, не наносу ущерба республике, если разрушаю свой дом, или захочу, чтобы мое поле заросло кустами. Дозволено ли мне это? Да, дозволено (Seneca, Suas. V, 33). Казалось бы, пример этот противоречит всем остальным приводившимся нами данным. Но как раз относительно дома хорошо известно, что закон, категорически запрещавший разрушать свои дома в городах, был принят при Клавдии. Впоследствии закон этот неоднократно повторялся и расширялся, так что запрещалось не только разрушать дом, но и уничтожать или переносить в другое место какие-нибудь органически связанные с ним части — колонны, портики, статуи и т. п. Допустимо полагать, что так же обстояло дело и с «шолем, заросшим кустами». Право занимать оставшееся без обработки имение оставалось в силе (или было восстановлено) независимо от того, принадлежало ли это имение господину или посессору. Императоры не менее гражданской общины были заинтересованы в том, чтобы земли не пустовали, а давали доход. Теперь здесь начинали играть роль и фискальные интересы. Согласно одному рескрипту Диоклетиана, тот, кто внес подати за чужое имение, становился его собственником и собственником приносимых им плодов (Codex Hermogen., III, 1). Но за реальными фискальными интересами скрывалась старая общинная идея: собственником земли, независимо от того, как оформлено его право, является тот, кто извлекает из земли доход, поступающий в общественный фонд.

Небрежность и халатность некоторых собственников (достаточно известно, как Колумелла и Плиний Старший нападали на владельцев латифундий, забрасывавших свои земли или обрабатывавших их плохо) могла служить оправданием конфискации латифундий, затем раздававшихся императорами по частям их отпущенникам, ветеранам и другим лицам, более способным, с их точки зрения, рационально использовать землю. О таких раздробленных между многими владельцами латифундиях говорит, между прочим, Сикул Флакк (Schr. Rom. Feldm., стр. 161) и упоминает в «Панегирике» Траяну Плиний Младший, вспоминая «беззакония» Домициана. Та же причина могла привести и к воскрешению старых правил об оккупации неводеланной земли, независимо от того, принадлежала ли она кому-либо на правах собственности или владения. Контроль государства над состоянием земельного фонда возобновлялся, право наблюдать за распоряжением и использованием земли частными лицами брал на себя император, и в этом смысле заместивший римский народ. И как мы видели выше, идея его верховной собственности на землю, а значит, и права контролировать владельцев ее отдельных частей, в общем вызвала столь же мало сомнений, как и идея верховной собственности римского народа, римской или любой иной гражданской общины.

Таким образом, между двумя основными для времени империи видами собственности — *dominium* и *possessio* разница на практике была, в общем, не слишком велика, хотя, возможно, первоначально с возникновением понятия доминия эту разницу и старались определить юридически.

Собственность и владение не исчерпывали всех типов отношений, связанных с землевладением и земледелием. На возникновение и развитие их влияли разные факторы. Во-первых, колоссальное расширение римского *ager publicus* за счет провинций, вся земля которых превращалась в собственность римского народа, впоследствии — римского народа и императора, и на которой не могло существовать ничьей иной собственности «по квиритскому праву», почему и появились различные, весьма сложные формы земельных отношений. Во-вторых, сокращение в Италии *ager publicus*, переходившего в руки крупных собственников (в первую очередь скотоводов) или сдававшегося за ренту мелкими и крупными частями отдельным лицам, или, наконец, делившегося между неимущими по аграрным законам. Судя по закону 111 г. до н. э. урезывалась возможность выделения из *ager publicus* *ager compascuus* для сельских поселений. Крестьяне все более отстранялись от пользования общественной землей. Если владельцы крупных или даже средних вилл, на территории которых были и пастбища, и луга, и леса, и водные источники, и даже иногда полезные ископаемые, от этого процесса не особенно страдали, то мелкие собственники, лишившиеся общинных угодий, доступа к пастбищам, лесам, воде, проезжим дорогам, оказывались в крайне бедственном положении. Оно очень ярко охарактеризовано в речи крестьянина из одной Псевдоквинтилиановой декламации (XIII, 2—5), и, видимо, может считаться типичным для всех периодов, когда шла концентрация земли. Обиженный богатым соседом бедняк рассказывает, как некогда вокруг него во многих виллах жили хорошие хозяева, составлявшие согласную соседскую организацию — *vicinia*, возделывавшую свою территорию (дословно «границы» — *limites*). Но богатый убрал межи и повсюду распространил свои владения. Старые земледельцы ушли; бедняк остался один на своем маленьком участке, со всех сторон окруженном землей богача, так что у него никуда не было выхода. Хозяйство его захирело, он не мог держать скот и ему осталось только разводить пчел.

Для создания некоторого противовеса такому пагубно отражавшемуся на обработке земли положению были введены сервитуты, сперва немногочисленные, затем все более многочисленные, также повлиявшие и на отношения собственности и на весь хозяйственный уклад.

Далее, огромное и все возрастающее влияние оказывало развитие товарно-денежных отношений. Обычно подчеркивается лишь его роль в упрощении торговых сделок, форм передачи собственности, в распространении *ius commercium* на неримских граждан и появлении новых видов защиты собственности граждан и неграждан. Все это, безусловно, справедливо, но дело не только в этом. Углубление товарного характера производства и общее повышение жизненных стандартов все более увеличивали нужду в деньгах. А их далеко не всегда можно было выколотить из классического рабовладельческого хозяйства без различных дополнительных статей дохода. Параллельно та же потребность в деньгах вела к росту задолженности и разорению мелких, а часто и средних собственников. Все это создавало условия для консервации некоторых старых и появления новых форм эксплуатации свободных. Наконец, усложнение хозяйства диктовало предоставление некоторой экономической самостоятельности лицам, находившимся под властью главы фамилии. Все эти факторы приводили к развитию прекария, различных форм аренды, *узурфрукта*, *пекулиев*. Отношения, возникавшие из различных прав на землю, чрезвычайно усложнялись.

В провинциях римляне застали самые различные ступени развития первых классовых обществ, от их тысячелетней истории, до тех или иных этапов разложения первобытнообщинного строя. Синтез местных и при-

внесенных Римом отношений определял характер и дальнейшую эволюцию различных областей и вместе с тем отношения в провинциях оказывали свое влияние на римскую собственность.

По известному определению Гаия, на провинциальной земле существовал доминий римского народа или императора, для всех остальных были возможны только владение или узуфрукт (Inst. II, 7), что практически сказывалось в уплате за провинциальные земли податей, *tributum* и *stipendium*, по сути аналогичных *vectigalia* за владения на *ager publicus*. Цицерон называл землевладельцев Сицилии колонами римского народа (in Verr. II, 4, 5). Провинциальные земли причислялись к *res nec mancipiae* и, следовательно, отчуждались без сложной процедуры манципации простой передачей на них права собственности — *traditio* (Gai., Inst., II, 14; 18; 21). Соответственно была упрощена процедура установления сервитутов, а приобретение земли по давности пользования было возможно сначала через четыре года, а потом через 20 лет. (Paul., Sent. V, 3; 31; 46; 65).

Такое положение соответствовало интересам римских дельцов и переселенцев, приобретавших земли в провинциях и получавших римское гражданство провинциалов. Так как обе эти категории были достаточно многочисленны, а территория провинций во много раз превосходила территорию Италии, господствовавшие там отношения не могли не оказывать большого влияния на все представления о собственности. В неюридическом языке она обычно обозначалась как *possessio*, да и сами юристы, если речь не шла о казусе, в котором различие между *dominium* и *possessio* играло роль, обычно пользовались последним термином. Возможно, что и сама идея верховной собственности императора на землю подкреплялась не только тем, что он персонифицировал римский народ, но и его реальными правами *dominus*'а провинциальной земли.

Мы не можем с достоверностью судить о том, что имел в виду Гаий, говоря о владении и узуфрукте на провинциальной земле, кто считался посессором, а кто фруктуарием, и чем реально различались права того и другого. Мы можем делать лишь косвенные предположения на основании общих сведений об узуфрукте. Узуфрукт был правом, которое собственник вещи предоставлял другому лицу: правом пользоваться вещью и извлекать из нее доход без потребления ее субстанции. Он мог даваться на определенный, или неопределенный срок (Fr. iur. Rom. Vat. 283), утрачивался со смертью фруктуария или вследствие того, что фруктуарий переставал получать плоды, т. е. так же как утрачивалось владение (Paul., Sent. III, 6, 30). Сам фруктуарий считался владеющим *naturaliter* (Dig. I, 2, 12). Он мог продавать узуфрукт, отдавать его в прекарий, сдавать в аренду, так как и продажа, и сдача в аренду, и передача в прекарное пользование считались способами извлечения дохода (Dig. XVIII, 6, 8, 2; VII, 1, 12, 2), на который владелец передавал фруктуарию свои права (Gai., Inst. II, 30). Эти права фруктуария защищались законом, но долгое пользование не делало его собственником вещи, собственность на нее всегда сохранялась за господином вещи. Так как на провинциальной земле собственником, имеющим доминий, не мог стать и посессор, понятия узуфрукта и владения иногда смешивались. Так, узуфрукт определялся как *quasipossessio* (Fr. iur. Rom. Vat., 93), а *possessio* как то, на что собственности у нас нет и не может быть (Dig. L, 16, 115). Все же, по крайней мере теоретически, права владельца были более гарантированными, чем права фруктуария. Допустимо предположить, что в качестве владельцев в провинциях выступали как получившие статус колоний и муниципиев старые и новые города, так и их граждане, персонально наделавшиеся измеренными и записанными в кадастр участками. Фруктуариями же

были туземные общины, которым суммарно отводилась земля на городских и внегородских территориях, а также *incolae*, приписывавшиеся к городам из числа местных жителей, обитавших на отведенной городу территории и владевших там землей. Подобная практика известна нам из агрименсоров и из найденного в Оранже кадастра колонии Араузион. По словам Фронтонa, земля в провинциях отводилась *per universitatem populi*, например Салмантийским сельчанам в Лузитании (*Schr. Röm. Feld.*, стр. 8). Права таких общин могли оформляться как предоставленный коллективу *узуфрукт*. Он считался неделимым, каждый *фруктуарий* имел как бы весь *узуфрукт*. Если кто-нибудь отказывался от *узуфрукта* или лишался его, то терял свою долю, которая переходила к остальным, в чем сказывалось сходство *узуфрукта* с коллективным владением некоей *universitas*²⁹. Вероятно, к таким *фруктуариям* относились и упоминавшиеся выше продавцы и покупатели земли, изгнанные императором, желавшим вывести туда колонию, и *метеки* (они же *incolae*), о конфискации земли которых в связи с их переселением в другое место говорит один рескрипт Диоклетиана, откуда, кстати сказать, выясняется, что и такую, не являющуюся собственностью или владением, землю эти *метеки* могли продавать (*Cl. X*, 1, 4).

Как мы знаем из ряда провинциальных надписей, в селах часто группа *посессоров* выделялась из остальной массы сельчан. Иногда такое разделение проводится между сельчанами-паломниками и римскими гражданами, иногда, что по смыслу однозначно, между сельчанами и ветеранами. Можно полагать, что паломники в этих случаях оставались *фруктуариями*, римские граждане и ветераны квалифицировались как *посессоры*. *Посессорами* же, как известно, становились по закону Адриана те, кто брал для обработки пустующие земли императорских *сальтусов*, выделяясь из общей массы *колонов*. И хотя об этом не говорится прямо, видимо, как *посессоры* рассматривались провинциальные города. Они, как и другие *посессоры*, уплачивали подать за свои земли, верховная собственность на которые принадлежала государству, яркой иллюстрацией чего, между прочим, является тот факт, что выморочная земля гражданина города отходила не к городу, а к *фиску* (*Cl. X*, 10, 1). Этим, очевидно, объясняются и слова Гая, что в провинциях нет ни собственности владельцев на землю, ни свободной города (*Gai. Inst. II*, 26a), казалось бы, противоречащие статусу ряда городов, как свободных. Но согласно общему римскому представлению о свободе как экономической независимости, а не только политических правах, Гай мог не считать свободными гражданские общины, сидевшие на чужой земле.

Однако как бы ни оформлялись права провинциальных городских и сельских общин и их сочленов на землю — как *узуфрукт* или владение (выше мы уже упоминали, что эти понятия иногда путались), — никакого препятствия к отчуждению земли мы не видим, что лишний раз подтверждает отсутствие в те времена прямой связи между собственностью и возможностью отчуждения. Постоянное проникновение чужаков в общины, не только городские, но и сельские, показывает, как свободно продавалась земля даже тем, кто членом общины не являлся. Ограничения в этом смысле появляются лишь в III в. и по настоящему развиваются в IV в. Единственным исключением было только запрещение римским гражданам в какой бы то ни было форме завещать свою землю паломнику³⁰. Из этого закона изымались лишь солдаты, имевшие право отказывать свое имущество кому угодно (*Gai., Inst. II*, 110). Упомянутое запрещение

²⁹ *Fr. iur. Rom. Vat.* 77, 80; *Dig.* XXXIV, 1, 4.

³⁰ *Ulpian.*, *Fragm.* XXII, 2; *Gai., Inst.* II, 285.

вело к истощению и разложению peregrinского земельного фонда по мере распространения римского гражданства, вплоть до эдикта Каракаллы, когда положение снова стало выравниваться, хотя и после 212 г. в Империи оставалось peregrinское население. Здесь, видимо, действовала жесткая линия римского правительства, стремившегося обеспечить землей максимальное число римских граждан за счет peregrinов.

Влияние упомянутого закона на аграрные отношения в провинциях до и после эдикта Каракаллы нуждается в особом исследовании. Но, во всяком случае, он был выражением специфического направления римской политики, а не результатом ограничения отчуждения земли, собственностью отчуждавшего не являвшейся.

Возможно, что свое окончательное оформление как *quasipossessio* узурпатор получил в связи с распространением этого типа отношения к земле среди провинциального населения. Но узурпатор, так же как прекарий, аренда, пекулий, возникли с усложнением хозяйства и развитием его товарности применительно к условиям Италии, к римской собственности. Как уже упоминалось выше, на распространение прекария, помимо клиентелы, несомненно повлияло распространение залога, когда прекарист испрашивал и получал заложенную или уже перешедшую в собственность кредитора землю³¹. Хотя прекарий рассматривался как «благоденствие» дающего, судя по вышеприведенной статье, согласно которой узурпатор можно было отдать в качестве прекария, так как и прекарий приносит доход, он мог предоставляться за какие-то взносы деньгами или натурой. Прекарист мог считаться или не считаться владельцем. Если человек просил дозволения прекарно пребывать в имении, он не владел, так же как и колон или инквилин³². Скорее всего, инквилины, первоначально сменщики жилых помещений, впоследствии упоминавшиеся обычно наряду с колонами, но находившиеся в более зависимом положении, и произошли от таких прекаристов, право которых на участок в имении имело истоком не договор, не обычай, а «благоденствие» владельца. Так как прекарий оставался в силе и без особого оформления, при молчаливом попустительстве собственника (*Paul., Sent. V, 6, 11*), прекаристы могли сидеть на земле из поколения в поколение, пока землевладелец не считал нужным их согнать. Возможно, что упоминаемые Горацием клиенты, которых богат согоняет с участков, возделывавшихся еще их отцами и дедами, и были такими прекаристами (что подтверждало бы связь прекария с клиентелой). Хотя прекарист, не проживавший в имении, а обладавший отдельным участком, считался владельцем, прекарий был, в общем, близок к категории держания, т. е. того права, которое лицо, находившееся *in potestate*, имело на выделенный ему пекулий. Как уже упоминалось, считалось, что такое лицо *tenet naturaliter* и может свое право держания передавать другому лицу (*Dig. XLV, 1, 38, 8; 2, 49, 1*).

Узурпатор обычно упоминается в источниках в связи с намерением собственника обеспечить кого-либо из членов семьи (например, свою вдову или одного из наследников с тем, чтобы собственность на вещь оставалась у другого наследника), или — случай особенно частый — своих вольноотпущенников, которым на правах узурпатора передавалось или завещалось имение. Вместе с тем, узурпатор мог даваться и с тем, чтобы собственник получал какую-то часть дохода. В этом смысле узурпатор имел некоторое сходство со все более развивавшейся на государственных, и частных землях арендой. Правда, узурпатор мог отчуждаться, а аренда же только если она была вечной арендой на землях вектигальных, патримо-

³¹ *Dig. XIII, 7, 37; 35, 1; XLIII, 26, 6, 4.*

³² *G a i., Inst. IV, 153; Dig. XLIII, 26, 6, 2.*

ниальных, эмфитевтикарных, где арендатор считался посессором³³. Аренду и узуфрукт сближала и еще одна черта, присущая и владению: узуфрукт утрачивался, если в течение двух лет фрунтуарий пренебрегал извлечением дохода (Paul., Sent., III, 6, 30); арендный контракт аннулировался и сьемщик нес ответственность, если оставлял землю необработанной³⁴. При этом не имело значения, продолжал ли он вносить арендную плату, во главу угла ставилась не столько плата за землю, сколько достаточно добросовестная обработка ее. Частное лицо исходило здесь из тех же принципов, что и гражданская община или государство, — яркое доказательство силы и живучести этих принципов. Собственник, будь то отдельный гражданин или коллектив граждан, или представленное императором государство, исходил из задачи максимального извлечения доходов или получения плодов с земли, ему принадлежавшей и данной в пользование и для обработки другим лицам. Право распоряжения оставалось за таким собственником независимо от того, получало ли то или иное лицо от него землю на правах собственности, владения, узуфрукта, аренды, держания. Поэтому на практике все эти термины неоднократно смешивались. Так, например, про одно лицо говорится, что он *ex conducto possidet* и, вместе с тем, *tenet* (CI, VII, 30, 1). Юристы иногда сомневались, как квалифицировать то или иное право на землю, споря, например, о том, является ли вечная аренда арендой или покупкой (Gai., Inst. II, 145), поскольку такие земли можно было свободно отчуждать и права на них защищались даже против собственника — города.

Как уже упоминалось выше, тот же принцип наилучшей обработки земли обусловил и развитие сервитутов. Теоретически для установления сервитута требовалось согласие владельцев или владельца того имения, которое было обязано «служить» — *servire* — другому имению, нуждавшемуся в дороге для проезда, прохода, прогона скота, в водных источниках, пастбищах, лесных материалах, тростнике, глине, извести, песке для производства, хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции (Dig. VIII, 3, 1, 1—2; 3, 1—5; 13). Однако сервитуты могли быть установлены и по закону, административным путем (CI, III, 34, 3). Для крупных собственников они могли быть тяжелым бременем (например, см. Cic., Leg. agr. III, 2).

Вместе с тем, сервитуты тесно связывали крупных владельцев с мелкими, которые были в сервитутах наиболее заинтересованы. Так, например, «Дигесты» (VIII, 5, 20) упоминают сервитут имения — *fundus* в пользу соседних *casae*, крестьянских участков. Весьма возможно, что одним из видов «благодеяний», ставивших крестьян в зависимость от «благодетеля», могло быть предоставление необходимых крестьянам сервитутов. Недаром именно соседи — *vicini* — становятся синонимом клиентов, работников, колонов и вообще зависимых, обязанных услужливостью (*obsequium*) людей. *Obsequium* же, по разъяснению Сервия (Aen. XII, 520), это служба — *officium*, — которой бедные платят богатым. Потребность крестьян в угодьях во все времена была мощным орудием их закабаления.

Сервитуты были не единственным средством обеспечения крестьян угодьями. Другим было предоставление мелким собственникам общих лесов и пастбищ, именовавшихся *communiones* и *comprascua*, имевших разный статус. В «Дигестах», например, упоминаются общественные леса — *silva publica*, — очевидно, принадлежавшие городу (Dig. XLIII, 24, 7, 8). Вообще, по определению юристов, *publica* могло иметь два значения: одно — это то, что «находится в патримонии народа», другое,

³³ Dig. XVIII, 1, 32; XXXV, 4, 5, 6—7, XXXIX, 4, 7; CI, V, 71, 13.

³⁴ Dig. XIX, 2, 24, 2; Paul., Sent. II, 18, 2.

например, берега рек и моря,—это то, что произведено природой и еще не было ни в чьей собственности, подобно рыбам и зверям, а потому может начать принадлежать тому, кто им завладеет (Dig. XLI, 1, 14). *Res publica* определялось также как то, что принадлежит всей целостности — *universitas* — в отличие от того, что принадлежит частным лицам (Dig. L, 1, 8). *Praedia publica* именовались городские земли (например, Dig. L, 4, 1, 2), хотя некоторые считали, что *publica* — лишь то, что принадлежит римскому народу, города же приравниваются к частным лицам — *civitates privatorum locum habentur* (Dig. L, 16, 15—16). Очень тонкое различие между категориями *publica* проводит Урбик: есть, пишет он, общественные участки — *locus publica*, которые записываются, например, как «общественные (*publica*) леса и пастбища августанцев». Они считаются *dominiis data*, и их можно продавать. Есть и другие, занесенные в запись, имеющие иное значение; эти земли записываются как «леса и пастбища» или «имение (*fundus*) колонии — Августы Конкордии». Эта запись считается относящейся к личности самой колонии (*ad personam coloniae ipsius*) и эти земли никоим образом не могут быть отчуждены от республики (Schr. Röm. Feldm., стр. 85). Здесь, видимо, имеется в виду разница между коллективом граждан, которые, для практического удобства, считались владеющими землей как некое товарищество — *societas* (а потому, как всякое товарищество, могли землю продавать) и городом как *universitas* первичной целостностью в понимании философов. Землями этой категории можно было только пользоваться, но не отчуждать их. В *lex coloniae Iuliae Genetivae* земли, данные *publice*, запрещалось продавать или сдавать более чем на пять лет (CIL, II, 5439, § 82). Можно полагать, что такое разделение было сделано с целью, с одной стороны, дать городам возможность извлекать доход, сдавая в аренду часть земли³⁵, а в случае крайней нужды и продать ее (хотя, как известно, императоры всячески такой продаже противились, и, по крайней мере, Веспасиан и Септимий Север возвращали городам земли, так или иначе перешедшие в руки частных лиц — Dig. XXXI, 78, 4), с другой же стороны, сохранить часть земель безусловно за городом, чтобы консервировать город как общину с необходимыми гражданам общинными угодьями.

Общие угодья, леса и пастбища, могли быть и не в собственности городов. Они могли возникать на *subseciva* отрезках, оставшихся при центуриации, никому не ассигнированных, считавшихся под властью того, кто вывел колонию. Иногда они находились в общем пользовании владельцев прилегающих участков, иногда оккупировались частными лицами, а затем и продавались (Schr. Röm. Feldm., стр. 8, 20, 118). Иногда собственность на угодья принадлежала совместно и нераздельно — *in commune* — владельцам нескольких имений, почему, по словам Фронтоня и Урбика, они назывались *communiones* или *pro indiviso* (там же, стр. 15, 79, 201). По Исидору Севильскому, *comprascuus ager* оставлялся для совместной пастбы скота соседями (XV, 13, 9). Судя по данным агрименсоров, такие земли в основном выделялись не колонистам, а тем старым владельцам — иногда жителям какого-нибудь *oppidum* или *vicus*, земли которых были включены в территорию города, но не розданы колонистам, а оставлены прежним владельцам, правами колонистов не пользовавшимся³⁶. Такие общественные леса и пастбища, в отличие от возделанной земли — *ager* — именовались *guga* (Isid. Sevil., XV, 13, 7). Иногда несколько соседей покупали сообща пастбище — *saltus comprascuus*. Если землевладе-

³⁵ Такие земли города могли иметь и вне своей территории. Цицерон упоминает земли Арпина и Аттеллы в Галлии, сдававшиеся в аренду, что составляло основной источник их дохода (C i s., Ad Fam. XIII, 7 и 11).

³⁶ Schr. Röm. Feldm., стр. 118, 119, 164, 240.

лец продавал свой участок, покупатель, в зависимости от условий покупки, мог иметь или не иметь право выпаса на этом салътусе (Dig. VIII, 5, 20). Такой тип общих угодий уже значительно отходит от общинных. Но и последние для мелких землевладельцев, крестьян, *rustici*, несомненно сохранялись.

Паги, села, соседские организации — *vicinia* — постоянно упоминаются и при Империи, не только в провинциях, но и в Италии. У пагов и сел по-прежнему была своя подвергавшаяся люстрации территория (CIL, IX, 1618, 5563, 5565); в Велейской таблице упоминаются *pagani pagi Ambitrebiae* и их земля (CIL, XI, 1147, § 44). Были у них свои святилища, свои уставы³⁷. Возможно, то же относится и к *vicinia*, поскольку Фест определяет их как взаимное общение, или общество соседей, а Поллукс, как организации, имеющие общие границы, в которых соседи совместно работают (VI, 21). Как мы помним, в таком же качестве выступает *vicinia* в декламации Псевдоквинтилиана. Возможно, соседи были связаны не только совместным пользованием и владением общинными угодьями, но и взаимопомощью в работах не только во времена Циперона, но и при Империи. А такая взаимопомощь предполагала какое-то распоряжение работами, их планирование (по мнению Э. Серени, возможно, было даже регулирование севооборота — ук. соч., стр. 367), что вообще весьма характерно для общинных отношений. Характерно также, что села и паги получали дары как целое, и как целое выносили те или иные постановления, могли накладывать на своих сочленов какие-то повинности и от них освобождать, распоряжаться землей. Так, Назелий Сабин из Беневента дарил всех жителей пага (*pagani communibus*) выстроил портик с помещением для поминальных трапез и святилище Ларов перекрестков, чтобы они пировали в день его рождения, получая по 250 денариев, и, производя люстрацию пага, устраивали, по своему обычаю, трапезу (CIL, IX, 1618). В районе Кремоны два магистра пага соорудили для *pagani* семь алтарей Юпитеру за свое избрание в магистры и за освобождение от повинностей (CIL, V, 4148). Посессоры села Бордомага предоставили участок для какой-то постройки (CIL, V, 5872). В других случаях паги целиком выносили решения о постройках (CIL, IX, 3512, 3523). В одной надписи сообщается, что некто подарил селу пастбище и сборы за него, очевидно, плату за право выпаса, как то было на римском *ager publicus* (CIL, V, 5203). Паг Диссеней на территории Патавия имел право на принадлежавшей ему земле собирать деньги за охоту и рыбную ловлю. Отрывок декрета Септимия Севера позволяет заключить, что некий *vicus Paganicus* просил у него увеличить площадь пахотной земли (AE, 1913, № 78). Из надписи в районе Аримина известно о пожертвовании селам 20 000 денариев на покупку владений — *possessiones* (CIL, XI, 379), очевидно, в их общественную собственность.

Можно полагать, что села и паги в зависимости от конкретных условий сохраняли в большей или меньшей степени черты общины. На самостоятельную роль пагов указывает и тот факт, что один паг мог входить в разные городские территории, а значит не был только административным округом такой территории³⁸. Э. Серени отмечает (ук. соч., стр. 426), что рескрипт (CI, XI, 56), запрещавший взыскивать долги одного сельчанина с других его односельчан, показывает сколь сильна была идея коллективной ответственности *vicani*. Характерно также, что в длинном перечне лиц, обязанных быть опекунами сирот, оговаривалось, что опекуна нельзя назначить по праву соседства — *vicinitatis*. Значит, в народном представлении

³⁷ Schr. Röm. Feldm., стр. 317; CGL, XI, стр. 559; AE, 1914, № 70.

³⁸ F. de P a c h t e r, La Table hypothécaire de Velleia, 1930, стр. 26, 31, 44.

связи соседства были достаточно прочными, чтобы налагать обязательства, близкие к родственным, но официально эти связи таковыми не признавались.

Официальным непризнанием, вплоть до конца III—IV в. прав общины как таковой, можно объяснить обилие чужаков (от отпущенников до сенаторов) на общинных территориях. Однако общины все же существовали — со всеми чертами, охарактеризованными выше.

Допустимо полагать, что они были подобны товариществам — *societates*, — тоже различных типов. Могли быть товарищества, строившиеся «на правах братства», в которых все имущество было общее, т. е. на том же принципе, на котором основывалась неразделенная фамильная собственность братьев. Могли быть и товарищества, в которых лишь нечто было общим — *communiter*³⁹. Возможно, что к первому типу были близки общины, получавшие как единое целое *ager non limitatus* (Dig. XLI, 1, 16), ко второму те, которые имели лишь совместно приобретенные или отведенные им *comprascua*. То были крайние случаи, между которыми могли лежать различные промежуточные, гибридные формы. Община могла выступать и как коллективный арендатор на частной (села в крупных частных имениях достаточно хорошо засвидетельствованы) городской и императорской земле. Если она при этом выступала как целое — аренда *in solidum*, — то обязывалась круговой порукой: владелец земли мог потребовать арендную плату у любого из общинников, а тот востребовать ее затем с остальных по своему усмотрению (CI, IV, 65, 13). В одном рескрипте Константина говорится, что границы земельных участков часто меняются, так как соседи увеличивают свои имения, забирая их друг у друга (CI, III, 32, 2). Такое положение могло, скорее всего, складываться в селах-общинах. Имения — *fundi* — граждан городов и посессоров на любой земле вносились в кадастры с точным обозначением границ, помечавшихся в соответственных документах и в случае отчуждения имения. Кроме того, более или менее значительное имение не так легко было захватить как пустующее, так как до наступления кризиса, когда возросло число пустующих земель, владельцы таких вилл вряд ли их попросту забрасывали. Напротив, села далеко не всегда имели четкие границы даже для всей своей территории, и тем менее четким могло быть размежевание, произведенное внутри них самими общинниками. Захват чужих участков потому, что они оказывались заброшенными, или потому, что владелец попадал в долговую кабалу, между прочим, и в силу неуплаты податей, внесенных богатым общинником, или просто в силу самочинных действий представителей деревенской верхушки был, как видно из рескрипта Константина, делом обычным.

Собственность общинников и общин была значительно менее гарантирована, чем собственность *domini* и *possessores*. Постепенно она разедалась захватами общинных угодий более крупными собственниками, имения которых тоже входили в паги. Эти собственники, вместе с тем, посредством разных «благоденний» ставили паги и села от себя в зависимость, оформлявшуюся, как зависимость клиентов от патронов.

Но несмотря на расхищение общественных земель, о котором, кстати, неоднократно говорят и агрименсоры, не только города, но и села, и паги продолжали ими владеть, сохраняя свой характер общин.

³⁹ Dig. XVII, 2, 1, 1; 2, 33; 2, 52, 2; 2, 59; 2, 63. См. Андреев, ук. оч., стр. 180—181; Н о в и ц к и й, ук. соч., стр. 56, 94, 184, 187. Здесь проводится различие между различными коллективами с полной и неполной общностью имущества: товарищества с общим имуществом, возникшие на базе отношений родства; общества, на целостность которых не влияли вступление и выход отдельных сочленов; товарищества, из которых каждый сочлен мог выйти со своим имуществом, после чего образовывалось новое товарищество.

Как мы видим, отношения собственности во времена Империи были достаточно сложны, имели множество промежуточных форм: от более полных — гарантированных — собственности и владения крупных и средних обладателей вилл, обычно и имеющихся в виду, когда речь идет о частной собственности в Риме, до, с одной стороны, прекаристов и держателей, с другой — членов таких общин, как паги, села, соседства. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что если сам Рим как гражданская община и перестал существовать, то основывавшиеся римлянами города сохраняли ряд черт, присущих раннему Риму, что делало их гражданскими общинами. Помимо верховной собственности на всю территорию и непосредственной собственности на общественные земли разных категорий, в городах, по крайней мере в принципе, сохранялся земельный максимум. Никому, пишет Сикул Флакк, в связи с правилами ассигнации земли в городах, не дозволено владеть большим, чем то указано в эдикте (Schr. Röm. Feldm., стр. 197). Не совсем ясно, какой здесь имеется в виду эдикт. Но, судя по тому, что для времен Империи нам никакой общий закон о земельном максимуме не известен, речь идет об эдиктах, регулировавших размеры наделов при центуриации городской территории. Город целиком как частный посессор (как мы помним, город считался за частное лицо), получал землю, делившуюся между городом как таковым, коллективом граждан и отдельными гражданами. Их собственность была гарантирована в наибольшей степени, они имели право отчуждать свои наделы — как частные, так и взятые у города в долгосрочную аренду, но в распоряжении ими были ограничены никогда не терявшим силу установлением о праве захвата не обработанной владельцем земли, а также лежавшими на их имениях сервитутами. В основе обоих ограничений лежал все тот же принцип наилучшей обработки всего земельного фонда гражданской общины, независимо от того, принадлежали ли его отдельные части непосредственно городу, или отдельным гражданам. На том же принципе наилучшего обеспечения и сохранения коллектива граждан основывались такие черты римского городского строя, как установление максимальных цен на необходимые продукты питания (имевшее место задолго до эдикта Диоклетиана о ценах), как обязанность декурионов заботиться о снабжении горожан продуктами питания по доступным ценам (вследствие чего землевладельцев, и, в первую очередь, самих декурионов, обязывали продавать сельскохозяйственные продукты по ценам даже ниже установленных), как освященный традицией обычай, в силу которого более состоятельные граждане обязаны были тратить часть своих доходов на угощения народа, раздачу, игры, общественные здания и т. п. Необходимость все снова и снова воспроизводить отношения гражданской общины, основной социально-экономической и политической ячейки, диктовала и обязанность извлекать из своего имущества максимальный доход, и правила распределения этого дохода.

А обязанность наиболее выгодным образом обрабатывать землю с условием социально-экономических отношений приводила к развитию различных новых, складывавшихся в области земельных отношений форм: узуфрукта, аренды, прекария, пользования, держания. Они пользовались защитой права или сохранялись собственником земли (будь то государство или частное лицо), пока фрукуарий, прекарист, держатель, арендатор, сами или через лиц, которым отчуждали свои права на землю, извлекали из нее доход, возделывали землю так, что она приносила максимально возможное количество плодов.

Вместе с тем, многообразные процессы, обусловленные эволюцией экономики римской державы, в частности и тем, что для получения дохода как государству и городам, так и частным лицам приходилось отдавать

часть принадлежавшей им земли посессорам, арендаторам разных категорий, фруктуариям, прекаристам, держателям, более или менее гарантируя их права на участки и приносимые ими плоды, приводили к фактическому расщеплению собственности. Появляется юридическое различие между *possidere* и *in possessione esse* (Dig. XLI, 2, 10, 1), хотя на практике тот, кто был *in possessione*, имел те же права и обязанности извлекать доход, что посессор (Dig. XLIII, 5, 5; 9, 1). Все, относительно чего некто имел соответственные права и обязанности, считалось находящимся в его имуществе *in bonis* и ко всем видам имущества *in bonis* применялся термин *habere* — иметь (см. выше, стр. 52), было ли это имущество собственностью, владением, арендой, пользованием, держанием. Отсюда упоминавшееся выше смешение терминов даже у юристов. Отсюда же и возникшее сомнение в тезисе, гласящем, что собственность не может расщепляться. Против этого тезиса возражали, что прекарием владеет и хозяин вещи и прекарис, что владение может быть и оформленное, и не оформленное правом, и что для факта владения правовое оформление вообще роли не играет (Dig. XLI, 2, 3, 4—6).

Такие споры явились результатом осознания, хотя и еще не достаточно ясного, юристами того обстоятельства, что на практике владение фактически расщеплялось, и что прямая, непосредственная связь гражданина-землевладельца с общиной-государством, все более искажалась и нарушалась.

В разных сферах аграрных отношений постепенно создавались многоступенчатые опосредствованные связи, соответствовавшие иерархии политических связей, со всей наглядностью выступившей при доминате, но зарождавшейся уже ранее. Конечно, мощный толчок этот процесс получил под влиянием отношений в провинциях, где император с самого начала был верховным собственником земли. Здесь иерархия связей могла быть особенно сложной. Так, например, она могла иметь форму такой цепи: общинник, получивший надел от кровнородственной или территориальной общины, права и обязанности которой он делил, — община, получавшая как единое целое, с соответственными правами и обязанностями землю от города, к которому была приписана, или у которого арендовала землю, — город, владевший своей территорией, отведенной ему императором и отвечавший за ее обработку и выполнение разных повинностей, — император, как верховный собственник земли. Цепь могла быть и более короткой: гражданин города, владевший частной и арендованной у города землей, именно как гражданин, получивший сам, или унаследовавший от предков имение, отведенное ему при центуриации городской земли, и обязанный городу повинностями как собственник или арендатор *quasi possessor*, — город, владевший отведенной ему императором территории, — император, как верховный собственник. Если подобные отношения в провинциях были официально узаконены и теоретически отличались от отношений в Италии с их доминием, то практически, даже до уравнивания Италии с провинциями, там складывалась та же цепочка. И не даром Сенека и Плиний Младший, несмотря на их смутные попытки отделить власть императора как суверена от его власти как собственника, все же признавали, что все принадлежит ему. А наличие на городских территориях пагов и сел с их общинными угодьями, зависевшими и от города, и от императора (как например, *subsiciva*) только ускоряли соответственную эволюцию. В социально-политическом плане она находила выражение во все большем разделении обитателей городской территории на городской (*intramurana*) и внегородской (*extramurana*) — т.е. сельский — плебс (разделение, юридически оформленное в начале IV века); в растущем бесправии крестьян, все более становившихся объектом эксплуатации

со стороны города в целом, и отдельных «благодетелей» из высокопоставленных горожан; в появлении не только в провинциях, но и в Италии категории *incolae* — приписанных к городам мелких землевладельцев городских территорий, пользовавшихся минимальными правами и обремененных повинностями в пользу города (Schr. Röm. Feldm., стр. 52).

Параллельно развивается и другое явление, сыгравшее, видимо, немаловажную роль в расщеплении собственности, а именно, формирование зародышей сословной собственности. Первое свидетельство об этом процессе мы встречаем у Сикула Флакка в связи с уже приводившимися словами об ограничении земельных участков размерами, установленными эдиктом. Им противопоставляются экзимирированные имения заслуженных лиц, которым эти имения во всех отношениях даются на частном праве, за которые они не обязаны колонии никакими повинностями и которые находятся на земле римского народа. Здесь речь еще идет об особой милости, оказывавшейся лицам, выделенным императорами за их особые заслуги, получавшим крупные наделы, изъяты из городской территории. Но уже в середине II — начале III в. (точная дата этого установления нам неизвестна) в то же положение автоматически ставятся земли всех сенаторов и их потомков (Dig. L, 1, 22, 5). Право собственности на экзимирированные крупные имения, обязанные какими-либо повинностями только императору, становится сословной привилегией. Одновременно появляются и зачатки сословной собственности колонов, хотя колоны — чрезвычайно пестрая категория сидевших на землях самых разных, но в основном императорских и сенаторских — как сословие еще оформлены не были. Уже Фронтон писал о спорах крупных собственников с городами, между прочим, и по вопросу о том, кто имеет право на повинности расположенных на землях частных салтусов сел (Schr. Röm. Feldm., стр. 53). Постепенно, как известно, последние все более поглощаются личностью землевладельца, экономически, а затем и политически представлявшего их перед государством. Права же колонов на их собственность приравниваются со временем к рабскому пекулюю и также начинают регулироваться государством, т. е. их собственность тоже приобретает сословный характер. А, как известно, сословность собственности — важный признак феодальных отношений, зарождавшихся в тесной связи с эволюцией римской собственности. В частных сенаторских салтусах тоже создается расщепленная собственность: держатель земли — сенатор — государство. Притом, если держателем земли выступала как некий коллектив община, село, она включалась в иерархию как дополнительный опосредствующий член.

Расщеплению собственности соответствовало и изменение в политическом положении звеньев ее иерархии. Собственник-гражданин, непосредственный участник политической и военной жизни гражданской общины, города-государства, становится анахронизмом. Общинник участвует лишь в жизни общины, в которой имеет надел, гражданин города — в жизни последнего, если имеет на его территории достаточно крупную недвижимость, и лишь сенатор, имение которого находится на земле римского государства, имеет право голоса в государственных делах. То был последний этап истории римской собственности, уже до крайности модифицированной, во многом прямо противоположной своим первоначальным основам, но еще сохранившей некоторые их элементы.

Подведем некоторые итоги. Римская собственность, складываясь одновременно с генезисом римского классового общества, шла первоначально тем же путем, каким шло развитие собственности у стадильно схожих племен и народов.

Решающим этапом в истории римской собственности была победа плебеев, в результате которой верховным собственником становится гражданская община, отводящая главам фамилий их частные наделы. В этот период собственность здесь носит иной характер, чем у народов, не знавших победы народных масс над формировавшейся из родо-племенной верхушки и царского военно-бюрократического аппарата знатью. В Риме само складывающееся государство превращается в территориальную общину, вся территория которой ей подведомственна, развивающуюся, с точки зрения отношений собственности, по образцу иных территориальных общин от свободного наделения граждан землей (когда земли было достаточно много и имущественная дифференциация невелика) до острой борьбы за переделы земли (когда общественный земельный фонд стал истощаться и резко усилилось противоречие между много- и малоземельными гражданами). Одним из аспектов этой борьбы был вопрос о том, восторжествует ли общинное начало с принципом, с одной стороны, уравнительности и периодическими переделами земли, а, с другой, с принципом права на землю в соответствии с вложенным в нее трудом, или наделы, независимо от их размеров и вложенного в них труда, будут раз и навсегда закреплены за их обладателями, т. е. восторжествует частная собственность, близкая к современному ее пониманию.

Аграрные реформы Августа, следующий важный этап в развитии римской собственности, как будто знаменовали победу второго пути, когда собственность на землю была теоретически осмыслена как доминий, т. е. как такое право, какое господин имел на раба, «не полученного им от народа». И, действительно, если мы рассматриваем сложившееся в то время положение под углом зрения наших данных об отдельных земле-владельцах, большей частью имевших виллы достаточно крупные, чтобы на их территории было все необходимое для ведения хозяйства, нам представляется, что их права собственности были не отличны от прав владельца капиталистического предприятия, что частная собственность римлян не отличалась от частной собственности капиталистического мира. Но, если посмотреть на дело с учетом всей Империи в целом, то мы увидим, что положение здесь было иное. Медкие собственники, крестьяне, продолжали жить общинами, хотя права этих общин были признаны официально лишь во времена домината. В провинциях верховным собственником было государство и постепенно (и притом достаточно быстро) оно было признано таковым и относительно всей Империи в целом.

Восстанавливается на новой основе сочетание и взаимосвязанность собственности городских и внегородских общин, от принадлежности к которым зависит собственность их сочленов, владельцев частной и совладельцев общественной земли, с собственностью высокопоставленных частных лиц, получавших свои земли как бы непосредственно от государства, и, наконец, с собственностью императорской, или государственной, а самого императора, как верховного собственника всей земли.

Как мы пытались показать, для суждения о характере собственности неубедителен критерий отчуждаемости, ибо в те времена право отчуждения отнюдь не было так тесно связано с правом собственности, как при «классическом» капитализме XIX в.

Это и понятно, если учесть роль собственности в том и другом случае. При капиталистическом, т. е. до высшей степени развившемся товарном производстве, собственность — это свобода превращения в товар как рабочей силы (собственность рабочего), так и капитала и созданных им стоимостей (собственность капиталиста). Поэтому капиталистическая собственность, в первую очередь, связана с свободой распоряжения и отчуждения. Рабочий может не продавать свою рабочую силу, капиталист может не

употреблять свой капитал для производства товаров или не продавать произведенные товары. Государство не может вмешиваться в их распоряжение своей собственностью или может вмешиваться только как суверен (например, опасаясь всеобщей забастовки, заставить владельца фабрики отказаться от локаута). В древности собственность, в первую очередь земельная, обеспечивала бытие гражданина как члена общины, и самой общины, как основы существующих отношений. Первоочередной задачей для достижения этой цели было наиболее рациональное использование всего наличного земельного фонда, как остававшегося в коллективной собственности, так и отведенного частным лицам. Отчуждение в любой форме, от продажи до предоставления в пользование или держание подчинялось этой задаче. Поэтому отчуждение здесь не может быть основным признаком собственности в ее современном понимании. Собственник был обязан извлекать из той части имущества, которая рассматривалась как выделенная ему из общественного фонда, доход, распределение которого также контролировалось. Отчуждение в известной мере подчинялось этой задаче: тот, кто сам не мог извлекать доход, мог, независимо от своих юридических прав на землю, передать ее другому в собственность, владение, пользование, держание. Он мог сделать это добровольно или принудительно — собственник, не обрабатывавший свою землю, терял ее в пользу того, кто начинал ее возделывать; фруктуарий, держатель, прекарист в аналогичном случае терял свои права на участок, возвращавшийся к собственнику, который передавал его другому фруктуарию, держателю, прекаристу, арендатору. Государство вмешивалось не только как суверен, но и как верховный собственник, сохранявший за собой право распоряжения, контроля, перераспределения земли. То, что оно само выступало в качестве продавца и покупателя земли не противоречит его положению как верховного собственника именно потому, что собственность и отчуждение здесь были связаны далеко не так непосредственно, как при капитализме. Признак собственности здесь не право отчуждения, а гарантированность прав на землю до тех пор, пока она обрабатывается и дает доход, поступающий в фонд распределения государства, города, фамилии. Гарантированность собственности, бесконтрольное распоряжение ею, подобное праву на раба, а не и без того неограниченное право отчуждения стремился дать своими реформами Август. Но, в конце концов, результатами его реформ воспользовались только крупные собственники, да и то, с течением времени, крупная земельная собственность превращается в аналог не капиталистической, а феодальной сословной собственности. Принцип же верховной собственности, верховного права распоряжения государством для огромного большинства населения Империи остается в силе и еще укрепляется в связи с фискальными интересами государства, сочетаясь, в то же время, с правами распоряжения и контроля общин разного типа, от городских до сельских.

Таким образом, можно, видимо, говорить о двух типах развития земельной собственности⁴⁰ в первых классовых обществах. Для одного типа характерно непрерывное развитие на основе отношений, складывавшихся в период разложения первобытнообщинного и формирования классового строя. Для другого — перерыв такого хода развития в результате победы плебса и конституированием гражданской общины как города-государства. Разность этих путей обусловила огромное множество различий между тем и другим типом обществ, начиная от различий в формах эксплуатации и

⁴⁰ Следует подчеркнуть, что здесь имеется в виду только собственность на землю. Собственность на иные виды средств производства должна быть предметом особого исследования.

кончая различием мировоззрений и живившихся на них культур. Но, в конце концов, и второй путь смыкается с первым. Изучение этого процесса — один из возможных путей решения ряда проблем истории Римской империи, ее кризиса и падения.

ROMAN PROPERTY IN LAND

by Ye. M. Shtaerman

The author discusses the question as to whether Roman private property in land is fully private in the sense that capitalist property in land is private and whether, and in what degree, the criteria distinguishing capitalist private property in land are applicable in the Roman case, in particular the criterion of alienability. This criterion is apparently not applicable, since in Rome property and the right of alienation were not closely linked. For example, the right to alienate did not negate the preeminence of the property rights exercised by the citizen community over all the land and the secondary, derivative character of the citizen's right of property in his particular tract of land. The Roman citizen community was constituted with the victory of the plebs. This resulted in the disappearance of lands not subject to community control (attested, e. g., by prohibition against transferring land to temples), in the institution of maximum holdings, which asserted the right of the community to dispose of the land, and in the establishment of ties connecting the citizen with the state directly, and not through intermediate communities of lesser rank (though village communes, *pagi*, continued in existence), which finds reflection in the idea of the impossibility of divided ownership. The state became supreme owner of all the land, both the public land and the land assigned to private allotments.

The right of supreme ownership was manifested in the right to transfer unworked, non-producing land to a new owner, i. e. in the ascendancy of the principle (typical of communal relations) of working ownership: the obligation of the owner to get produce from his land, which was part of the general fund. The Roman jurists formulated the principle thus: «We acquire the right of ownership by using and we lose it by not using». The connection between the right of ownership and the right of alienation is here considerably weaker than the connection between the right to own and the obligation to use what one owns for the general good. On the other hand property in slaves — whom, as Cicero says, «we do not take from the people» — was complete and uninhibited. A slave could not be taken away because he was unproductive.

The supreme property right of the state in the land underlay the demand for agrarian laws, a demand not unrelated to the movement for periodic redivisions of the land in other communities at a certain stage in their development. However, most Roman landowners were bent on consolidating their rights to their individual holdings. These rights were strengthened by Augustus, and it may be more than coincidence that the concept *dominium* — a term expressing, not «possession» of land, but a type of ownership analogous to property in slaves — first appeared in his reign. *Dominium* gave the master permanent ownership and its application to real property meant that the tie between the individual holding and the fund of public land grew weaker. However, the right to occupy abandoned land, whether this land was held in full ownership or in possession, was restored, since the emperors were no less concerned than cities that the whole fund of public land should yield produce.

Through the influence both of conditions in the provinces and of the fiction whereby the Roman people transferred its rights to the emperor, the latter was soon (at least by the time of Seneca) acknowledged to be the ultimate owner of all the land, possessed of the appropriate rights of control and disposition, which did not conflict with the fact that land tracts might be alienated to anyone to hold in private ownership, possession, usufruct, etc. The recognition of this imperial right of ultimate ownership, the development of *jura in re aliena* and the recognition, at first *de facto* and then *de jure*, of the rights of the

numerous village communities in the provinces and of some also in Italy, resulted in the establishment of divided ownership and the socio-legal hierarchy that went with it. In the new conditions *dominium* as full private ownership dissolves. Instead of absolute private property in the capitalist sense one gets senatorial property (exempted senatorial landholdings) supplemented by the beginnings of *colonus* property, which heralds the beginning of the feudalisation of the empire. Thus for the whole of Roman history one may speak of private property in land only conditionally, keeping in mind the difference between Roman and capitalist private property, which latter has full freedom not only of alienation but also of disposition.
